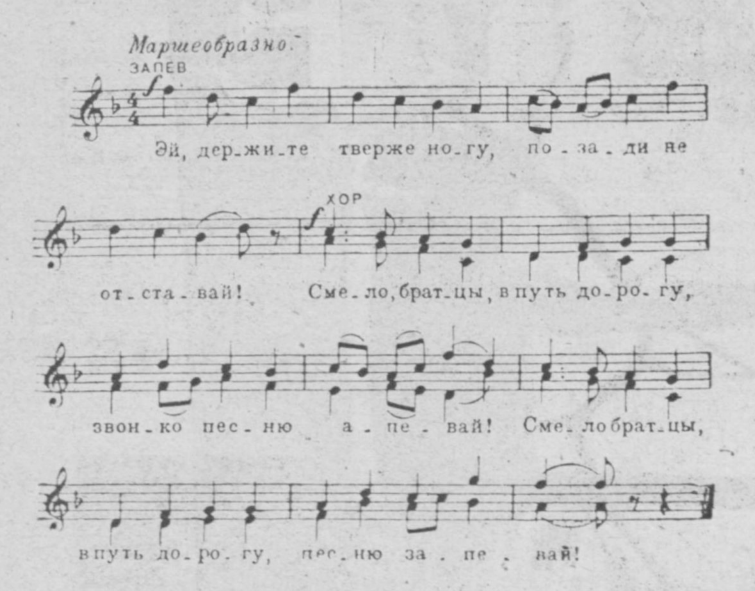ПИОНЕР

13

„МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ"

КРАСНОАРМЕЙСКИЕ ПЕСНИ

ЭЙ, ДЕРЖИТЕ ТВЕРЖЕ НОГУ

Эй, держите тверже ногу,
Позади не отставай.
Смело, братцы, в путь-дорогу,
Звонко песню запевай.
Смело, братцы, в путь-дорогу,
Песню запевай.

Сквозь туман и непогоду
Нас ведет наш командир.
Наши красные походы
Нынче знает целый мир.
Наши красные походы
Знает целый мир.

Громче песню затяни-ка,
Всех прогнали мы ворон.
Будет помнить нас Деникин
Будет помнить нас барон.
Будет помнить нас Деникин.
Вспомнит и барон.

Знает подлая Европа
Как сшибали мы врагов,
Как в Крыму у Перекопа
Врангель был таков.

Если ж нам придется снова
В поле встретиться с врагом,
Звонкой пулею свинцовой
Песню мы ему споем.
Звонкой пулею свинцовой
Песнь ему споем.

КОННАЯ БУДЕННОГО

С неба полуденного
Жара—не подступи.
Конница Буденного
Рассыпалась в степи.

Припев: Никто пути пройденного
У нас не отберет.
Конница Буденного,
Дивизия вперед.

Мы не сынки у маменьки
В помещичьем дому.
Мы выросли из пламени
В пороховом дыму.

Припев: Никто пути пройденного...
и т. д.

Пусть белые не хвастают
Посадкой на-скаку.
Изрубим острой шашкою
Их эскадрон в муку.
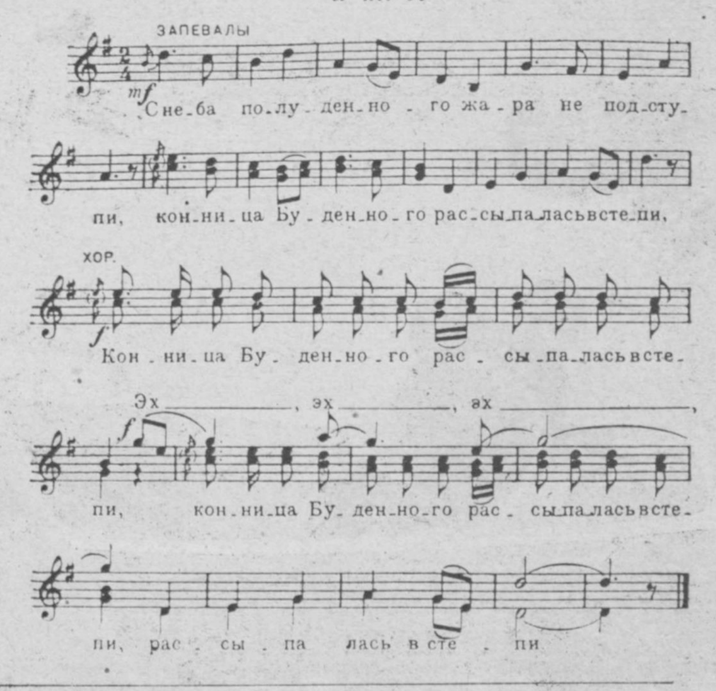
Припев: Никто пути пройденного...
и т. д.

Не затеваем боя мы,
Но помним Перекоп.
Всегда храним обоймы
Для белых черепов.

Припев: Никто пути пройденного...
и т. д.

И будет белым помниться,
Как травы шелестят,
Когда несется конница
Рабочих и крестьян.

Припев: Никто пути пройденного...
и т. д.

Главлит № 91861. 5-я тип. «Транспечати» НКПС «Пролетарское Слово». Москва, Южный пер., д. 4. Тираж 24.000.

ГОД ИЗДАНИЯ 4-й

К борьбе за рабочее дело — будь готов!

ПОДПИСНЫЕ ЦЕНЫ
На 12 м.—3 р. — к.
„ 6 „ —1 „ 60 „
„ 3 „ — „ 85 „
„ 1 „ — „ 30 „

ПИОНЕР

АДРЕС РЕДАКЦИИ и КОНТОРЫ
Москва, Нов. Площадь 6/8, Издательство „Молодая Гвардия"

ДВУХНЕДЕЛЬНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ДЕТСКИЙ ЖУРНАЛ
ОРГАН
ЦЕНТРАЛЬНОГО БЮРО ДЕТСКОЙ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ИМ. В. И. ЛЕНИНА ПРИ ЦК ВЛКСМ, МОСКОВСКОГО БЮРО ЮНЫХ ПИОНЕРОВ ПРИ МК ВЛКСМ И НАРКОМПРОСА

№ 13 ИЮЛЬ 1927 г.

МЫ ЕЗДИТЬ БУДЕМ ДРУГ К ДРУГУ БЕЗ ВИЗ И БЕЗ ВЫДАЮЩИХ ВИЗЫ

АНГЛИЙСКИЕ ПИОНЕРЫ, УДРАВШИЕ ИЗ-ПОД НОСА ЧЕМБЕРЛЕНА, В МОСКВЕ. НАВЕРХУ ОНИ СТОЯТ ВСЕ РЯДОМ: НЕНСИ ХОЛЛ, КЛИФФОРД РОБЕРТС, ВИЛЬЯМ БЕККЕР, ЭДВАРД ТЕРНЕР И ВО ВТОРОМ РЯДУ: МАК ИЛОН, ДЖЕМС МИЛЛЕР, НОРМАН ПЕЙРИ и ГАЛЛАХЕР

Повесть ***ГАНСА ДОМИНИК***

Перераб. с нем. *М. ГЕРШЕНЗОН*

Фотооформление *Г. БЕРЕНДГОФА*

Продолжение

СОДЕРЖАНИЕ ПРЕДЫДУЩЕГО НОМЕРА:

Чарли Бекерс, газетчик „Нью-Йоркского Герольда", получил от своего дяди Т. Б. Смита рекомендательное письмо к заведующему экспедицией „Герольда"—Гарриману. Чарли Бекерс болен воспалением легких. Один из его товарищей, тоже газетчик—Джон Воркман—похищает у больного Чарли письмо. Когда Чарли умирает, Джон отправляется с письмом к Гарриману. Старик обласкал его и обещал устроить на работу через редактора газеты, м-ра Беннета.

ГЛАВА 3

Визитная карточка

Джон Воркман подымался вместе с Гарриманом по широкой мраморной лестнице.

Вот они уселись в мягкие кожаные кресла в приемной дворца. Стены выложены ореховым деревом. Огромные столы под зеленым сукном завалены газетами и книгами, картами, схемами, чертежами. От этой приемной, как лучи, расходились коридоры во все концы дворца «Нью-Йоркского Герольда»—в редакции дневные, ночные, вечерние, в редакции газет, журналов, иллюстрированных приложений. Сюда ежедневно стекались сотни людей со всего света. Здесь бывали индусы в тюрбанах, турки в высоких фесках, персы, китайцы в халатах из синего шелка, черные, как смоль, негры, русские, французы, итальянцы, немцы и англичане.

Мало кому приходилось лично разговаривать с мистером Беннетом. Даже служащие газеты зачастую не встречались с ним годами. Все распоряжения и приказания мистер Беннет отдавал через своего секретаря, Джорджа Тилера.

Служитель подошел к мистеру Гарриману и, поклонившись, пригласил его за собой. Мистер Гарриман и Джон остановились у двери из черного дерева, служитель нажал кнопку звонка. Не прошло и секунды, как дверь отворилась, и маленький негритенок вышел из лифта и с важным видом сказал:

— Пожалуйте!

Лифт медленно и беззвучно подымался вверх. Джону показалось, что прошла вечность, пока остановился лифт. Негритенок открыл дверь, важно приподнял обшитую золотом кепку и исчез. Пассажиры очутились в комнате, обтянутой темно-коричневой материей. Джон, взглянув в окно, ахнул. Они были в самом верхнем этаже газетного дворца. Тридцать пять этажей лежало между ними и землей, и еле слышным гулом доносился из глубины грохот города. Далеко за домами золотым блеском горела статуя Свободы и расстилался мерцающий сине-зеленый простор океана.

Джон загляделся на чудесную картину, на крохотные пароходы, на тонкую паутину моста через Ист-Ривер, на темные точки и пылинки, ползавшие по мосту; он забыл о своем спутнике, а когда обернулся, мистер Гарриман, весело посмеиваясь и заложив пальцы за жилетку, разговаривал с машинисткой, сидевшей в глубине комнаты за работой. В соседнюю комнату дверь была приоткрыта, и оттуда доносились громкие голоса.

Сухой, металлический голос произнес:

— Повторяю еще раз—я ничего не могу вам обещать.

Кто-то ответил на ломаном английском языке:

— Поймите же, мистер Беннет, что это может заставить нас об'явить Америке войну.

— Господин генерал Иока Сумо! Америке не приходится бояться войны с Японией. Позвольте мне самому заботиться о благе моей родины.

С минуту было тихо; потом опять послышался голос японца:

— Неужели вы не согласны с тем, что нужно хоть немного облегчить моим соотечественникам переселение в Америку?

— Нет. С нас довольно своей бедноты. С завтрашнего дня я открываю кампанию против нового закона об иммиграции.

Дверь отворилась и генерал японской армии вышел из комнаты. Желтое лицо его раскраснелось, узенькие глаза горели гневом.

— Ну, друг мой, теперь наша очередь,—обернулся к Джону мистер Гарриман.—Смелее, не робей, мальчик.

Мистер Беннет, видимо, тоже был раздражен. Лицо его казалось высеченным из камня, серые глаза неподвижно смотрели в одну точку. Однако, заметив мистера Гарримана, он сразу повеселел.

— Садитесь, мистер Гарриман. Очень рад вас видеть. И ты, мальчуган, садись. Это ваш, мистер Гарриман?

— Это племянник моего друга, мистер Беннет. О нем я и хотел бы в сами поговорить,—начал было Гарриман.

Но мистер Беннет перебил его:

— Ладно, об этом успеем. Расскажите, как идет работа в экспедиции!

Мистер Гарриман, спокойно покачиваясь в глубоком кожаном кресле, стал докладывать о том, как работает транспорт, как организована подача грузовиков в других газетах, как ведутся книги в «Нью-Йоркской Трибуне», сколько газет отправляет ежедневно за границу «Нью-Йорк Таймс», а мистер Беннет время-от-времени отмечал что-то в лежавшем на столе блок-ноте.

— Нужно будет проломать стену склада, чтобы автомобили могли проезжать прямо через склад, не поворачиваясь, тогда они смогут итти непрерывной цепью,—закончил деловой разговор мистер Беннет.—А теперь потолкуем о мальчугане.

— Этот мальчик работает у нас газетчиком уже второй год,—так же спокойно, не спеша, начал мистер Гарриман.—И, сколько мне помнится, не пропустил ни одного дня. Я мог бы зачислить его в штат постоянным газетчиком, но вы знаете, мистер Беннет, эта работа не дает никакой квалификации.

Мистер Беннет закурил сигару и, прищурясь, внимательно посмотрел на Джона.

Джон с трепетом встретил его взгляд.

— А ты сам, мальчик, где хотел бы работать?

— У машины. Я бы хотел работать у той машины, что печатает разноцветные приложения.

— Там нелегкая работа,—сказал мистер Беннет, берясь за телефонную трубку,—ну, да все равно, посмотрим, что из тебя выйдет... Попросите ко мне машиниста из цветопечатни!

Дверь тихо приоткрылась, и в комнату робко вошел высокий широкоплечий человек; молча остановился он у двери.

— Подойдите ближе, мистер Джонсон,—сказал мистер Беннет.—Вы мне понадобились вот по какому делу. Поставьте этого мальчугана на работу в цветопечатне и поскорее пустите его к машине.

— Будет исполнено, сударь.

— Можете итти.

Мистер Беннет поднялся со своего места, видимо, считая беседу оконченной.

— Завтра с утра станешь на работу,—сказал он Джону, протягивая руку Гарриману.

— Я... я тогда не смогу ходить в школу?—выпалил Джон и покраснел, как кумач.

Мистер Беннет усмехнулся.

— Нет, уж работать, так работать.

— Тогда лучше я буду газетчиком,—решительно сказал Джон.—Мне еще в школе осталось пробыть два года.

Мистер Гарриман развел руками.

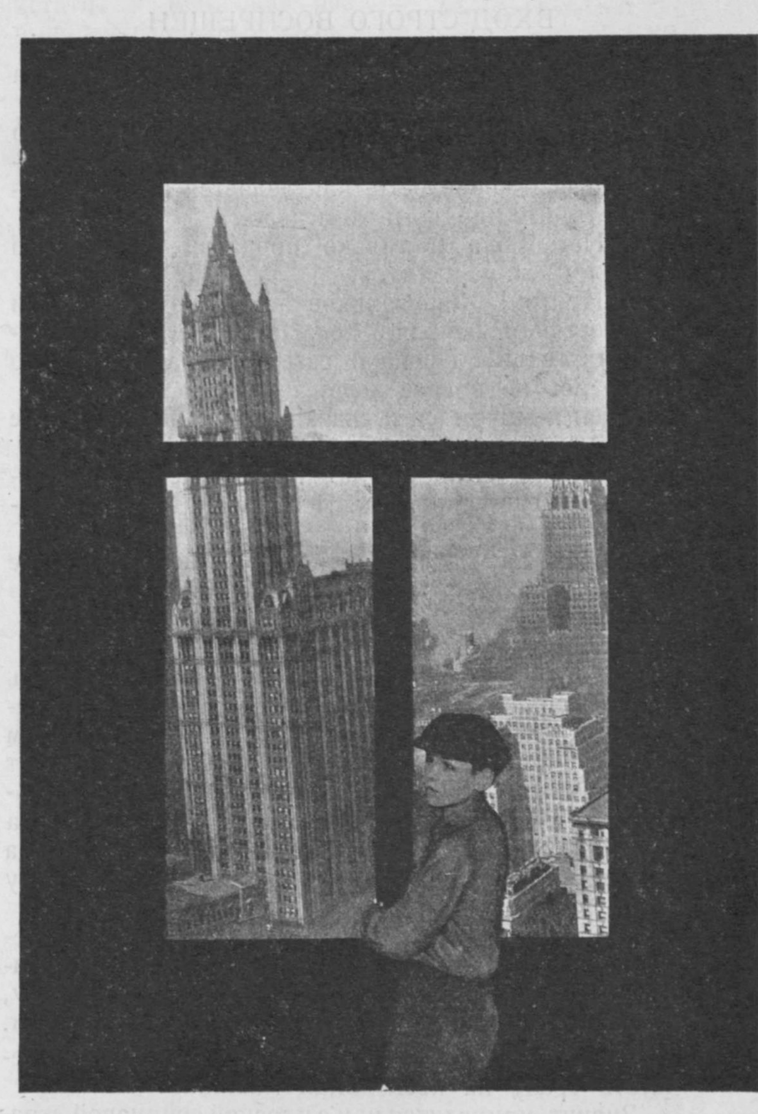
— Вот так фунт!

А мистер Беннет засмеялся,—ему понравилась смелость Джона.

— Мальчик прав. Без ученья далеко не уедешь. Мистер Гарриман, мы с вами дали маху. Поставьте его у себя на платную работу газетчиком. А тебе, мальчик, я дам записку в машинное отделение, чтобы тебе позволили знакомиться с машинами и что нужно—об'ясняли. И школу окончишь и машины узнаешь,—так, что ли?

Джон только кивнул головой,—у него не было слов от радости.

Мистер Беннет взглянул на Гарримана, одобрительно покачивавшего головой, и черкнул несколько

Тридцать пять этажей лежало между ними и землей

слов на своей визитной карточке.

Когда Джон Воркман и мистер Гарриман сидели в лифте, опускаясь вниз, к земле, Джон прочел, что написано было на карточке:

Прошу всех служащих «Герольда» помочь подателю этой карточки, Джону Воркману, ознакомиться с моим предприятием. Разрешаю ему практически знакомиться с работой машин.

«Не даром я распечатал письмо»—подумал Джон и улыбнулся.

Джон с трепетом встретил его взгляд

ГЛАВА 4

В гостях у мистера Беннета

Управляющий типографией бросил удивленный взгляд на Джона Воркмана, когда тот несколько дней спустя после разговора с мистером Беннетом вошел в огромное машинное отделение «Герольда».

— Ты что, малец, неграмотен?—крикнул он, указывая ему на доску с надписью:

ВХОД СТРОГО ВОСПРЕЩЕН

— Это я видал. Но у меня есть записка от мистера Беннета.

— Вот оно что,—сказал управляющий, мистер Напп, прочтя приказ своего хозяина.—Ты, стало-быть, хочешь посмотреть, как делается газета? Смыслишь ты что-нибудь в этом деле?

— Нет, пока я только продавал газеты. Но я похожу к вам, научусь.

— Ну, ну! Хорошенькое это будет дело, если все газетчики повалят сюда смотреть, как делаются их газеты! Продают газеты, и ладно! Нечего совать нос не в свое дело.

Джон нахмурился и сказал, отчеканивая каждое слово:

— Мистер Беннет отдал распоряжение, и я попрошу вас его исполнить. Я попрошу вас не задерживать меня.

— Ишь ты, какой прыткий! Ну, да ладно, я не обидчив. Ты ему, видно, родственничком приходишься, а?

Мистер Напп взглянул на часы.

— Всего производства я тебе сейчас об'яснить не успею. Сейчас я покажу тебе, как отливают стереотипы для вечернего выпуска, а потом передам тебя машинному мастеру Грэнси. Он уже покажет тебе все сверху донизу, без этого тебе ничего не понять ни в машинах, ни в работе. Ну, вот. Газета сейчас уже сверстана. Это значит—каждая страница набрана из свинцовых букв и составлена в одну доску.

На плоском печатном станке газету можно печатать прямо с таких досок. Но для наших ротационных машин нужно такую доску согнуть в трубу, чтобы ее можно было надеть на цилиндр ротационки.

Да кроме того, нам нужно каждую страницу печатать сразу на нескольких машинах.

Значит, приходится нам с плоской свинцовой страницы снять несколько свинцовых копий, да еще не простых, а круглых, так, чтоб они в самый раз пришлись к цилиндру машины. Посмотри для начала, как это делается.

Мистер Напп с Джоном вошли в стереотипное отделение и подошли к одному из столов.

На нем лежала большая страница «Герольда», составленная из свинцовых букв и стянутая по краю стальной рамой.

Рабочий как раз в эту минуту покрыл свинцовую доску легким листом смоченной в клейстере папиросной бумаги.

Другой приколотил этот лист щеткой, так что бумага влипла во все углубления букв.

Миг—и второй лист лег на первый.

Снова запрыгала по доске щетка, и третий лист бумаги покрыл шрифт.

— Бумага это не простая, это особый сорт, так называемая шелковая бумага. А к клейстеру тут примешан мел,—сказал мистер Напп.

Минут пять мелькали в воздухе листы бумаги и упругая щетка, и поверх доски со шрифтом лежал уже толстый лист картона.

Тут к столу подкатили вагонетку. Свинцовую доску вместе с шелковой бумагой стиснули прессом. Винты крепко прижали бумагу к шрифту, и все вместе исчезло в сушилке.

Мистер Гарриман

— Там мы это продержим 5 минут при температуре в 120⁰, и выйдет у нас из сушилки готовой новая форма.

Джон Воркман увидел, как рабочие развинтили пресс и сняли со свинцовой страницы сухой, твердый лист картона, в котором с полною точностью оттиснут был шрифт свинцового набора.

— К чему он? — спросил Джон.

— Это увидишь в литейной.

В литейной рабочие осторожно выгнули картонный корж до четверти цилиндра, вставили в круглую форму и крепко зажали.

Особою лейкой в каждую форму влили расплавленный свинец.

Не прошло и минуты—отвинтили зажимы, и из формы выпал свинцовый лист, согнутый в четверть цилиндра.

На выпуклой стороне его блестели четкие, ясные буквы.

Снова вставили в форму картонный корж, снова влили порцию свинца, но Джон отошел уже в сторону: там на фрезерном станке счищали с первой свинцовой пластины лишние части. Потом просверлили в ней несколько дырок и понесли прочь из литейной.

— Куда теперь?

— К ротационной машине.

Машина была высотою в два этажа и с целый дом длиною. Люди расхаживали по лестничкам и мосткам среди блестящих частей ротационной машины.

Джон с недоумением смотрел на эту путаницу цилиндров и валов.

— Ты прежде посмотри, где шрифт,—сказал мистер Напп, показывая на цилиндр в добрых два метра в поперечнике. Покамест Джон, разинув рот, смотрел на огромную машину, рабочие успели

уже привинтить к этому цилиндру только что отлитую доску стереотипа.

Тут Джон увидел еще один такой же цилиндр, и тоже с свинцовым шрифтом, а возле каждого из больших цилиндров—пропасть тонких и толстых валов и валиков, блестевших черною краской.

— Сложная штука,—сказал мистер Напп.—Сейчас ты увидишь, что значит бесконечная лента бумаги. Вот пустим в машину бумагу, и все станет понятнее.

— Пускай!—раздался резкий голос, и Джон увидел, как с огромного руло бумаги, прикрепленного в одном из концов машины на легко вращающейся оси, потянулась к валам широкая лента бумаги. Двое рабочих пропустили ее сперва между двумя маленькими валами, потом под огромным цилиндром со стереотипными досками, здесь снизу ее плотно притиснул к шрифту другой вал, потом снова сквозь щели между маленькими, попарно прилаженными валиками, снова и снова, потом—через второй цилиндр с набором, чтоб отпечаталась вторая сторона бумаги.

— Дать краску!—прозвучала команда. Машинист передвинул рычаг, и в восьми местах против каждого цилиндра со стереотипами опустились черные валики, которые во время работы все время накатывают на шрифт свежую краску. На мгновенье стало тихо. Управляющий типографией взглянул на часы.

— Четыре часа тридцать,—пробормотал он,—вечерний выпуск выйдет во-время.

— Ну-ка, медленно!—скомандовал машинный мастер.

Рубильник щелкнул, и члены огромной ротационной машины ожили. Медленно стали вращаться тяжелые цилиндры с набором, завертелись лоснящиеся черные валики и ролики-передатчики. Медленно потекла между валами бумажная лента,—руло бумаги закружилось вокруг своей оси.

А с другого конца машины, точно сабли, на бумажную ленту опускались ножи.

Металлические лапки схватывали отпечатанную с обеих сторон газету и складывали ее—фальцевали. Что ни секунда, машина выбрасывала новую газету. Корректора проверили — все ли в порядке: нет ли пропусков, всюду ли хорошо легла краска.

— Все в порядке,—кивнул старший корректор машинному мастеру.

— Ускорить,—обернулся мастер к рубильнику. В то же мгновение машина загудела и завыла, отдельных частей не стало видно, готовые газеты потекли непрерывным потоком, укладываясь в правильные пачки.

Джон, оцепенев, смотрел на работу машины.

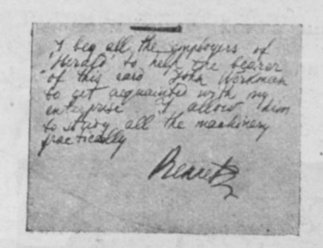
— Что, парень, рот разинул? Иль не видал? С нашей машиной не сравнится ни одна машина в мире. Пятьдесят тысяч в час—это работа!—усмехнулся машинный мастер.

Мистер Напп подошел к нему.

— Это—Джон Воркман, а это—мистер Грэнси. Я тебя, мальчик, передаю ему, он все лучше моего тебе об'яснит. Придется, мистер Грэнси, вам урвать часок-другой.

— Охотно, только не сейчас,—ответил мистер Грэнси, пожимая руку Джону.

На другой день, окончив разноску постоянным подписчикам дневного выпуска газеты, Джон Воркман снова пошел в типографию. Там, где вчера кипела работа, на этот раз было тихо. По огромной ротационной машине ползало двое рабочих—они чистили и смазывали ее части. Машинист, мистер Грэнси, сидел рядом, попыхивая коротенькой трубкой.

I beg all the employees of
'Herald' to help the bearer
of this card John Workman
to get acquainted with my
enterprise. I allow him
to study all the machinery
practically
Bennett

Записка Беннета

— Э, Джонни! — воскликнул он,—сегодня ты кстати. У меня как раз выдался свободный часок.

— Вот хорошо!—сказал Джон, усаживаясь рядом с ним.—Мистер Напп говорил мне, что вы в производстве знаете каждый винтик.

— Еще бы,—засмеялся машинист,—я у них в роде прислуги «за все», потому что нет такого дела здесь, к которому бы я не приложил руки.

Мистер Грэнси выколотил трубку, вытащил из кармана огромный кисет с табаком и стал снова набивать свою носогрейку.

— Скажите, мистер Грэнси, — сказал нерешительно Джон, — почему вы до сих пор сидите в машинистах? Почему вы не стали кем-нибудь в роде мистера Беннета?

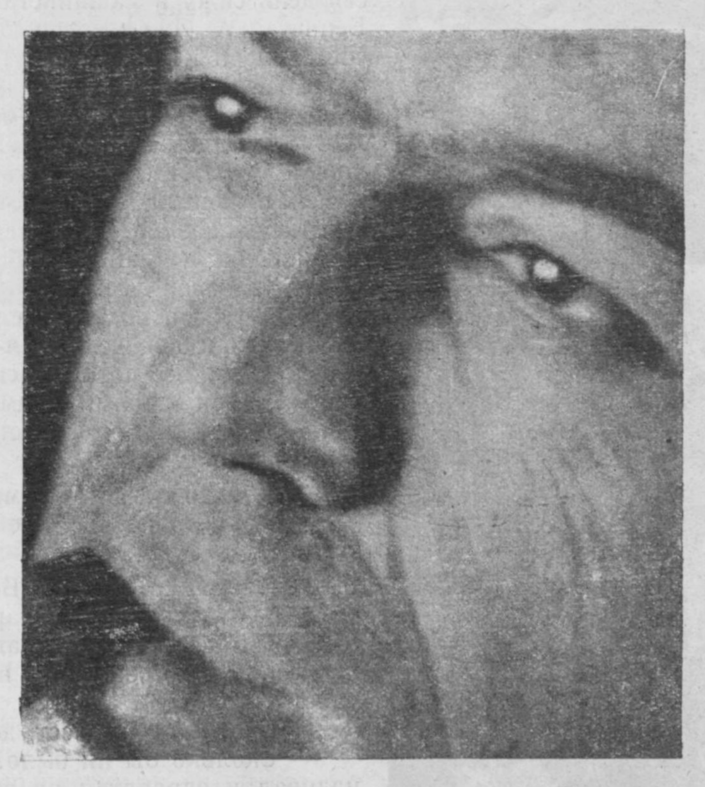
— То-есть, как так в роде мистера Беннета?

— Ну, одним словом, богачом, миллионером?

Грэнси нахмурился.

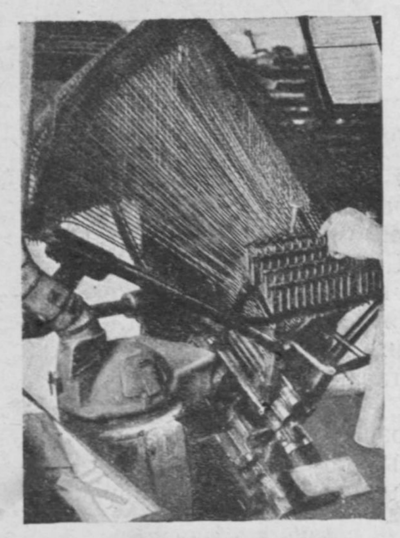
— Честный человек не может стать миллионером. Миллионером может стать только жулик либо подлец.

Джон оторопел. Он никогда не слышал таких слов. Твердым решением его было—стать мистером

Мистер Беннет внимательно посмотрел на Джона

Наверху уже устаревшая машина—типограф—во время работы, на втором снимке сверху—клавиш самой умной машины, линотипа. Внизу снимают стереотип.

Беннетом, Морганом, Фордом; ему казалось, что ничего не может быть лучше на свете.

— Разве мистер Беннет—подлец?—спросил он, с удивлением глядя на машиниста.

Мистер Грэнси ответил не сразу. Он пустил сизый клуб дыма и смотрел, как тают и изгибаются в воздухе прозрачные дымчатые струйки, пока они совсем не иссякли. Только тогда он обернулся к Джону.

— Послушай, мальчик, какое со мной было дело. Было это тому назад лет двадцать пять. Я в ту пору был коренастым парнем и приехал я из лесного штата Мичигана в Нью-Йорк пытать счастья. Не один приехал, с товарищем Биллем Джефферсоном,—он сейчас в Детройте один из самых богатых людей. Мы с ним знали наши леса, как свои карманы, а леса тогда там были не в пример нынешним. Решили мы с Биллем использовать свои знания в Нью-Йорке.

— Как это можно?—перебил Джон.—Никому в Нью-Йорке нет дела до леса.

— Да ты не перебивай,—засмеялся Грэнси.—Я говорю сущую правду. Тогда правительство продавало по дешевой цене право валить лес. Несколько сот квадратных километров мичиганских лесов—это было славное дельце для нью-йоркских богачей. Но не покупать же им было кота в мешке,—в Мичигане немало есть топей и болот. Вот мы и нанялись составить карты, показать—где леса, а где болота. Я поехал работать для мистера Беннета, а Джефферсон—для кого-то другого. Как же ты думаешь кончилось дело?

— Наверно вы тогда оба разбогатели.

— То-то и дело, что не оба, а один только Билль. Я составил карту на совесть, сдал ее мистеру Беннету, получил плату—пятьсот долларов, и вот по сей день сижу в машинистах и работаю на мистера Беннета. А Джефферсон был парень не промах: составил он не одну карту, а две. На одной он на месте леса нарисовал лес, на месте болота—болото, а на другой—вместо леса—болото, а вместо болота—лес. Правильную карту он упрятал в карман, а фальшивой угостил своего заказчика. Тот и купил за бешеные деньги все болота Мичигана, москитов и гремучих змей. А Джефферсон подыскал себе компаньона и купил за бесценок «остатки»—дремучий, вековой лес.

Джефферсон на этом деле зашиб сто тысяч долларов, а то и больше, уехал годика на два в Канаду, а там, когда все позабылось, вернулся, и с того дня ворочает вон какими делами.

— Так ведь он просто жулик!—возмущенно воскликнул Джон.

— А я что сказал?—усмехнулся Грэнси.

— Но ведь не все так делают. Сколько людей богатеет честным трудом.

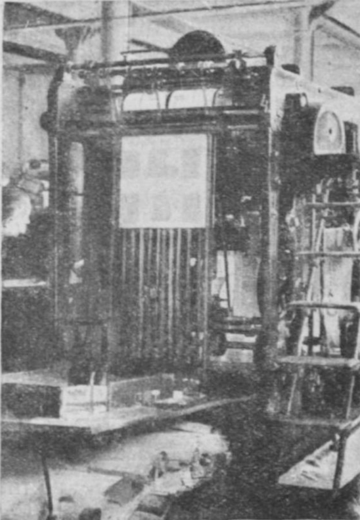
— Например, мистер Беннет, не так ли? А не думаешь ты, что на той карте, которую я для него составил, он тоже заработал сотню тысяч долларов?

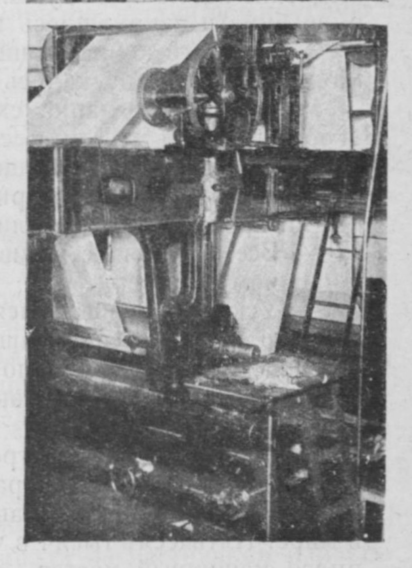
— Мистер Грэнси, но ведь он заплатил вам за работу!

— Сколько? Пятьсот долларов?

— Сколько бы ни было. Надувать он никого не надувал и заработал на этом деле честно.

Наверху на фрезерном станке счищают лишние части со свинцовой пластины. На втором снимке сверху и внизу—бумажная лента в машине

— Оба мы, стало-быть, честные люди—и я, и мистер Беннет. Видно, честность честности рознь,—нахмурился Грэнси.—Давай лучше поговорим о производстве. Начинается дело мистера Беннета в дальних краях. Леса, что растут в Канаде, и уголь в копях Миннеаполиса,—все его.

— Лес и уголь наверно идут на топливо?

— Нет, друг мой, дерево теперь слишком дорого стоит. Те времена, когда, очищая место для пашни, сжигали целые леса, давно прошли. Теперь из дерева делают бумагу. Когда ты бегаешь по Бродвэю с пачкой газет, знай, у тебя под мышкой дерево, которое несколько недель назад росло в лесу в Канаде.

— Где же делается эта бумага? — перебил машиниста Джон.

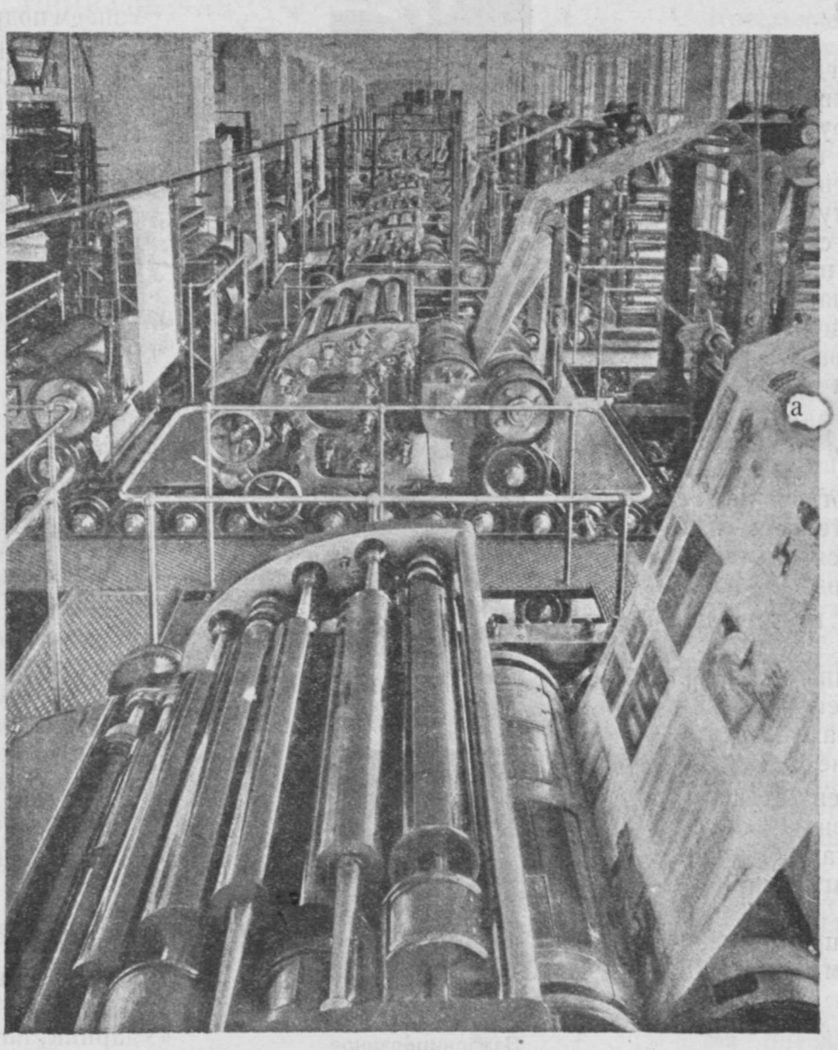
— Частью здесь, частью там же на месте, Джон. Мне пришлось побывать и в Канаде; я видел, как там работает мистер Беннет. Конечно, не сам и не топором да пилой.

Ну, ладно, пойдем в наборную, там сейчас кипит работа. Там ты увидишь, как составляются свинцовые доски, с которых мы вчера отливали стереотипы.

Мистер Грэнси встал, стряхнул с костюма просыпанный табак и повел Джона в наборную. Здесь стояли какие-то машины, похожие на шкафы; сквозь вставленные в их стенки стекла видны были какие-то рычажки и шестеренки. Перед каждым таким шкафом пристроена была клавиатура, в точности как у пишущей машинки. У каждого шкафа сидел наборщик и выстукивал по клавишам с такой спешкой, будто все работали наперегонки.

— Что у вас, Джимми, а?—спросил мистер Грэнси старшего наборщика.

— Серьезная штука, Джо! Предвыборная речь президента! Два часа уже держим прямой провод с Мильвауки. Мистер Тафт говорит, как добрых пять наборных машин. Но мы справимся с этим к вечернему выпуску.

Печатная машина „Нью-Йоркского Герольда"

Джон Воркман подошел к одному из наборщиков и заглянул через его плечо. Тот выстукивал телеграмму строк в пятьсот. Джон увидел, как в шкафу за стеклом непрерывным потоком текли по рубкам медные буквы—сверху вниз, а потом опять исчезали.

Каждые десять секунд слышно было—легкий звонок, шипение, шуршанье,—и раскаленная, сверкающая, только что отлитая свинцовая строчка, выскакивала из машины.

— Это, пожалуй, самая умная из всех наших машин,—засмеялся мистер Грэнси.—Стоит наборщику ударить, скажем, по клавише А, медная буква тотчас упадет здесь за стеклом вниз. Все буквы в том порядке, в каком выстукал их наборщик, выстраиваются в строчку и автоматически, едва звонок укажет, что начинается новая строчка, подхватываются машиной и заливаются свинцом. Все это делается без помощи рук человека. Ты видел, как отдельные новенькие строчки выскакивают из машины. Но тут-то начинается самое интересное. Одним ударом машина рассыпает медные строчки снова по буквам и разбрасывает буквы по ящичкам.

В это мгновение телеграмма, которую выстукивал наборщик, окончилась, и тотчас же посыльный притащил новую рукопись. — Это как-будто конец,—сказал наборщик.

Тут позвонил телефон.

— Я так и думал,—сказал управляющий наборным отделением.—Приказано тотчас же отпечатать экстренный выпуск с речью президента!

— Ну, значит, за дело,—засмеялся Грэнси.

Джон успел посмотреть, как метранпаж составил из свинцовых строчек страницу, а там понесся по Бродвэю, оглушая прохожих криком:

— Экстренный выпуск «Нью-Йоркского Герольда»! Речь президента Тафта! Программа республиканцев!—потому что экстренный выпуск не рассылался подписчикам по домам.

(Продолжение следует)

БОЕВЫЕ ДНИ

Очерк курсанта В. ФЕДОСЕЕВА

В ПОХОД!

Вечером мы, как всегда, играли. Сняв тяжелое обмундирование и оставшись в одних трусиках, мы с увлечением катали пушбол по зеленому полю. Пушбол — это огромный мяч, пожалуй, повыше Володи Трофимова, самого высокого курсанта в полку. Мы суетились вокруг мяча, стараясь загнать его в ворота противника. Особенно неистовствовал Женька Готовцев. Несмотря на то, что он был меньше нас всех, а мяч был выше его в два раза, он пыхтел и кряхтел за двоих.

В разгар игры, когда партия Злотника начинает теснить нас и мяч вот-вот закатится в ворота, прибегает помкомвзвод Сашков.

— Ребята, кончай игру. Завтра в поход.

Бросаем мяч. Злотник не удерживается и толкает его к воротам. Он сиротливо закатывается в них, но нам уж не до игры.

— Куда идем, неизвестно,— раз'ясняет Сашков,—знаю только: поход будет боевой, на несколько дней. Сейчас же в лагерь, приготовлять снаряжение!

Веселой гурьбой, подталкивая огромный мяч, бежим в лагерь. Колышатся полотна палаток. То-и-дело слышишь:

— Хлеб получай!

— 3-е отделение, кто не получал сахар?

— Пулеметчики! Сейчас же намотать сальники и подготовить пулеметы...

Работы много. Нужно приготовить оружие, шанцевый инструмент, противогаз, скатку, мешок, сумку, продовольствие, мыло, зубную щетку и тысячу других мелких предметов. И все подогнать, чтобы не жало. Ведь малейшая складочка в скатке, малейший гвоздок в сапоге так намнут плечо или ногу, что не будешь в состоянии итти дальше.

В лагере на посту

Засада на дереве

Замаскированное продвижение

Где противник?

Узнаем подробности похода: стоверстный марш туда и обратно и боевые стрельбы. Будем стрелять отделениями по мишеням, в промежутках между отделениями. Через нас будут бить орудия и пулеметы. Некоторые пугаются:

Дойдем ли?

А вдруг какая-нибудь шальная пулька цокнет по затылку?

Над такими смеются.

— Эй вы, рохли! А еще бойцами называетесь, красные звезды носите. Да куда вы годитесь! Вам бы на печке лежать, а не в Красной армии служить! Садовые ваши головы!..

Пристыженные бойцы смущенно умолкают.

Уже поздно вечером, после поверки, в мавзолее Ильича, что стоит в уголку Ленинской полянки, собираются все комсомольцы и партийцы школы. Говорит Исбах.

— Завтра выступаем в поход. Предстоит немало трудностей и лишений. Партийцы и комсомольцы должны быть впереди всех. Не ныть, не жаловаться на усталость, а подбодрять товарищей...

Здесь же в уголку кипит боевая работа. Редакция стенгазеты «Ударник, на помощь!» спешно готовит очередной номер. Газета должна выйти завтра рано утром. Она растет не по дням и не по часам, а по минутам. Минута, другая—и заметка, написанная на клочке бумаги, прикалывается к фанерному остову. Иначе нельзя. «Ударник»—боевая газета и рассусоливать некогда. Придется на походе работать в любой обстановке, и под огнем противника, и под проливным дождем.

Четкие ударные лозунги, написанные цветным карандашом, призывают к соблюдению полного порядка в походе.

«Предстоящий поход — испытание нашей боеспособности. Долой расхлябанность! Даешь железную дисциплину в рядах! Храните военную тайну, держите язык за зубами! Наш поход—боевая учеба, а не легкая прогулка»

ШТАБ тов. МАНДЕНОВА. ПЕРВЫЕ ЖЕРТВЫ. НА ПРИВАЛЕ

Чуть забрезжил свет, мы уже на ногах. Выстраиваемся на поле перед лагерями. Под'езжает батальонная артиллерия—минометы и пушки Розенберга, а за ней длинная вереница походных кухонь, из которых вьется дымок, и повозки с необходимыми припасами. Тут и дрова, и сено, и патроны, и даже мясорубка скромно приютилась на ящике одной из кухонь. Все надо взять. Полк может остановиться на привале в поле или в лесу. Шествие замыкает т. Манденов, маленький, круглый человек на огромном белом коне. Т. Манденов, заведующий хозяйством полка, самый популярный человек в походе. От него зависит обеспечение бойцов вкусной, сытной пищей. Надо отдать ему справедливость, он делает это мастерски. И недаром его так любят бойцы. Он выезжает в сопровождении красноармейцев, вооруженных... лампами «Молния». Вид его свиты очень комичен и это сейчас же отмечается в наскоро состряпанных частушках.

«Полк из лагеря шагает
И выходит из ворот.
Из-за кухонь выезжает
Поваров кухонный взвод».

«Вот является на сцену
И пленяет белый свет
Сам веселый наш Манденов
И манденовский совет».

Провожаемые напутствием остающихся в лагере товарищей, выходим на шоссе. День облачный, и это хорошо. Солнце—наш злейший враг в походе. Оно изнуряет, выматывает силы. Нагрузка душит, и ты становишься скоро весь мокрый от пота. Сегодня наших друзей-облачков много, и они наперегонки бегут по небу.

Пулемет на плоту

В походе

На отдыхе за обедом

За чисткой орудия

Идем с оркестром, гармошками и песнями. Колонна полка напоминает длинную змею. Голова ее уже вылезла за окраины Москвы, хвост же, грохот кухонь и повозок, напоминающий гремучую змею, затерся где-то в городе. Через каждые 50 минут—10 минут отдыха. На отдыхе играет гармошка, собирая вокруг себя толпу бойцов и местное население.

Крестьяне и особенно ребята допытываются:

— Куда идете-то, не воевать ли?

— Зачем воевать, — отвечаем мы,—так погулять вышли, подышать свежим воздухом.

— А пушки на что взяли?

— А чтоб веселее было.

— Ну, а куда идете-то все-таки?

— В Коровино, бабушка.

А идем мы вовсе не в Коровино, а в Быково. Да и нет никакого Коровина вообще в округе, и идем мы не гулять, а понюхать пороху, испытать боевую жизнь; но все это—военная тайна. Сейчас, в мирное время, особенно важно научить бойцов сохранять военную тайну. Во время войны об этом думать будет уже поздно. Малейшее словцо, брошенное невзначай, может принести непоправимый вред целой части. Потому и отшучиваемся мы на пытливые вопросы крестьян, крепко держим язык за зубами. Зато о чем-нибудь другом красноармеец готов беседовать сколько угодно. Он будет с жаром рассказывать о последних событиях за границей, почитает газету, даст нужную крестьянину справку, а если полк остановится на долгое время, то и поможет в полевых работах.

На пятнадцатой версте появляются первые жертвы похода. Плохо пригнанный сапог стирает ногу и боец не в состоянии итти дальше. Но здесь словно из-под земли появляется «помощник смерти». «Помощник смерти»—так в шутку зовут бойцы лекпомов, своих лучших друзей в походе. Он извлекает из своей огромной чудодейственной сумки нужное лекарство, и боец, получив помощь, снова может итти дальше.

Измученные, уставшие, под звуки не совсем стройного оркестра,—ведь музыканты тоже устали—мы подходим к Выселкам. Здесь будет большой 4-часовой привал.

Манденов со своим «штабом» уже здесь. Вкусно пахнет от походных кухонь. Нагрузку долой, умываем руки и ноги в маленьком озере и обедаем.

Наш лагерь напоминает табор цыган. Как грибы, раскинулись кругом палатки. Дымят в стороне кухни, ржут лошади конной разведки. В центре палаток—агитповозка. Это скромная зеленая повозка, но она обладает чудесным свойством превращаться в течение одной минуты в красочную выставку. Борта ее раскидываются и на них ты найдешь новости похода, советы по санитарии и гигиене в походе, стенгазету, политические события и многое другое. Из недр ее извлекаются складные столы, стулья, шашки, шахматы, газеты,—словом, целый походный клуб. Набежит туча или придет приказ выступить в поход,—повозка, словно цветок ночью, моментально закроет свои яркие борта, впитает в себя столы, стулья, шахматы и шашки и снова станет обыкновенной зеленой повозкой.

Спят бойцы, набираются сил ко второй половине пути, самой трудной и ответственной. Но кругом полка бодрствует охранение. Охранение—надежные глаза и уши полка. Пусть отдыхают бойцы, оно в нужный момент поднимет тревогу и не даст противнику захватить полк врасплох.

ВЯЗЛИ В БОЛОТАХ, БЛУДИЛИ В ЛЕСАХ, НО НЕ УНЫВАЛИ

От Выселок идем осторожно. противник может появиться в любую минуту. Конная разведка ускакала вперед. Наш взвод идет в правую походную заставу. Заставы—это щупальцы, которыми полк защищен со всех сторон от неожиданного нападения врага.

На утро сменяемся и приходим в деревню. Через стенгазету узнаем, что было вчера, когда мы блудили в лесах.

Бой под Островцом

(Из стенгазеты)

Главные силы наступающих частей шли к деревне Островец. Мы ежеминутно получали донесения. Бой уже завязался между нашими охраняющими частями и противником. По дороге, нам навстречу, группками шли пленные с понурым видом и сияющие конвоиры. Попалось даже целое отделение во главе с командиром, взятое в плен.

Застава. шедшая слева, заблудилась в болоте и нарвалась на проволочные заграждения. Один из курсантов повис на заборе откуда его долго снимали.

Последний момент боя. Охранение идет в атаку.

— Розенберг, на позицию, пулеметы вправо на холм стрелки, в атаку!

Быстро выкатывается орудие, начинают работать пулеметы резерва. Наконец, резервы охранения врага и бой кончается. Усталости как не бывало. Появляется гармонь, и курсанты лихо пляшут с местными девушками.

Штейнберг

Наступление

Танк наступает

Огнемет в окопе

В походной колонне

ПОД ОГНЕМ ПУЛЕМЕТОВ

— По мишеням противника, прицел 4, по одному справа и слева, огонь!

Сухо трещат выстрелы. Сквозь белую пелену дымовой завесы еле различаешь мишени. Через минуту они пропадают, проваливаются в блиндажах, и мы перебегаем дальше.

— Справа, на 2 пальца от отдельного дерева, группа противника,—передает наблюдатель.

Из-за кустов на расстоянии 600 шагов появляются мишени. Снова обстреливаем их. Сзади меня лежит Сашка и его пули, словно пчелы, жужжат около моих ушей. Сашка отличный стрелок и я спокоен.

— Ложись!—внезапно кричит Сашка. Мы прижимаемся к земле. Сзади тарахтят пулеметы. Пули роем жужжат над головами. Сначало страшно, весь приникаешь к земле, потом привыкаешь. Пулемет кончает стрельбу, и мы продолжаем наступление, обстреливая появляющиеся то здесь, то там мишени противника.

— Молодцы ребята,—хвалит нас командир Лихалин, когда мы кончаем стрельбу,—результаты хорошие, противнику не поздоровилось.

После нас стреляет «Розенберг»—так мы зовем маленькую батальонную пушку Розенберга. «Розенберг»—злейший враг танков

и пулеметов. Его бронированные снаряды пробивают броню танка. Для стрельбы устанавливаются мишени, изображающие пулеметные гнезда противника. Один за другим раздаются оглушительные выстрелы и над мишенями появляются облака разрывающихся снарядов.

— Вправо, недолет,—сообщает наблюдатель.

— Ба-ба-бах!!!

— Хорош!—дружным хором кричат красноармейцы, когда снаряд разбивает в щепу домик, изображающий неприятельского «Розенберга».

Сегодня стреляем хорошо и все довольны.

ОТСТУПАЕМ. ХИМИЧЕСКАЯ АТАКА. БЕГСТВО ИЗ ПЛЕНА

Ночь. В деревне непрерывное движение. Фыркают кони, громыхают кухни, переезжая с одного конца деревни на другой для раздачи пищи бойцам, расположенным по квартирам. В середине деревни, на полянке, кино. Крестьяне перемешались с красноармейцами. Смотрят «Красных Дьяволят» с интересом.

— Тра-та-та-та...

Сигнал горна заставляет всех насторожиться.

— Приготовиться к походу!—властно звучит приказание.

Механик перестает вертеть динамо-машину, фигуры «дьяволят» застывают на экране, лампочка тухнет. Бойцы разбегаются по домам за оружием и снаряжением.

Сигнал застает редакцию «Ударника» на боевом взводе. Изба наполнена военкорами, пишущими заметки. За длинным столом несколько человек переписывают заметки. Приходится все бросать и складывать в ящик на повозку. «Ударник» привык к таким внезапностям. Газета выйдет на 3—4 часа позже, во время привала,—только и всего.

Ползком к противнику

Когда выходим строиться, мимо нас спешным маршем проходят главные силы, громыхают повозки. Оказывается—противник перешел Москва-реку и начинает сбивать наши части. Нам приходится отступать. Наш батальон остается в арьергарде прикрывать отступление.

Мы выдвигаемся к крайней избе деревни. Кругом темно и тихо. Дивизия ушла. Командир шопотом раз'ясняет боевую задачу.

— Противник наступает. Мы должны прикрывать отступление дивизии. Нам в помощь приданы батальонная артиллерия и конная разведка. Западнее нас действует кавполк. Наша задача — оторваться от противников и уйти в деревню Карачарово с наименьшими потерями. Предупреждаю—не шуметь, котелками и оружием не звенеть, не курить. Держать связь шопотом...

Выделяем от себя щупальцы охранения. Охранению тяжело. Ему приходится итти по мягкому полю и болотам, преодолевая канавы, изгороди, ямы. Беда, если охранение оторвется от главных сил—в темноте потеряется моментально и попадет в лапы противника.

По цепочке, связывающей ядро взвода с охранением, непрерывно идут донесения и приказания.

— На опушке леса, сзади нас, обнаружена разведка противника.

— Тонем в болоте, итти трудно...

— Примите влево...

Где-то впереди в воздухе взвиваются 3 синих ракеты. Это предупреждение о готовящейся химической атаке. Моментально приводим противогазы в сторожевое положение. И когда взвивается красная ракета—продолжаем путь в противогазах.

Я иду в охранении, в тыльном дозоре. Каким-то образом попадаю в болото и никак не могу выбраться из него. Когда, наконец, это удается, я скоро убеждаюсь, что никого кругом нет. Все ушли вперед. Что делать? Кругом темнота. Слышу—сзади шуршит кто-то во ржи. Наверное, это разведка противника. Шарахаюсь в сторону. Неужели плен? Бегу что есть силы к шоссе. Страх перед позорным пленом уде-

Посылают собаку с донесением

сятеряет силы. На шоссе из канавы выбегают навстречу две фигуры.

— Стой, кто идет?

— Свои. Да это ты, Сашка? Это я, Владимир...

— Какой такой Владимир, ничего не знаю,—говорит Сашка,—бросай оружие.

Хотя Сашка и знает меня, как свои пять пальцев, но он выдерживает тон до конца. Сегодня он в другом взводе тоже в тыльной заставе и делает вид, что меня не знает.

— Бросай оружие—за мной!

Он отбирает у меня винтовку, потом соображает, что нести ее ему невыгодно, и отдает ее обратно, взяв только затвор. Идем к командиру 1 взвода.

Круташев расспрашивает меня, почему я отстал, и отпускает на все четыре стороны. Узнаю, где находится наша часть, и вскоре догоняю ее.

Мы умело ведем отступление и скоро совсем отрываемся от противника.

80 ВЕРСТ В 2 ДНЯ— ЭТО НЕ ФУНТ ИЗЮМУ С'ЕСТЬ!..

Переход близится к концу.

Иду, как автомат,—говорит Сашка.—Все держится на какой-то пружинке. Лопнет она—и баста, не поднять меня.

Но пружинка эта крепкая, стальная, не так-то легко сломать ее.

Когда идем по городу, подтягиваемся. Лагеря уже близко и наши ноги тверже ступают на землю.

Мы все загорели, пообтрепались. На сапогах еще не обсохла грязь Быковских болот. Кое-кто прихрамывает на ногу. Но на лицах гордость. 80 верст в 2 дня—это не фунт изюму с'есть! Это говорит о том, что красные бойцы крепко держат винтовку в руках и в обиду СССР не дадут.

140 В ЛАГЕРЕ

(ИЗ ЗВЕНОВЫХ ДНЕВНИКОВ)

Под жарким солнцем

Давайте руку, товарищи читатели, и отправимся с вами в небольшое путешествие. Сначала под мерный грохот колес железной дороги до ст. Пушкино, а потом пешком 6 килом. до села Ивантеевки. Село большое, с иной уездный городок. А на окраине его в двух'этажном кирпичном здании школы, с линейкой, мачтой и спортплощадкой, перед ним живут лагерем 140 загорелых ребят—пионеров отрядов завода «Богатырь» и макаронной фабрики Сокольнического района.

Представим сейчас слово кипе звеновых дневников. Пусть они расскажут о том, что делали ребята за неделю, обо всем хорошем и плохом.

13/VI. «За обедом ребята все так же орали, как и прежде, и вели себя очень неприлично. Вечером вожатый говорил о внутреннем распорядке и пробирал ребят и девчат за их дисциплину».

14/VI. «Мы пошли на речку умываться и у нас случилось несчастье—одна девочка порезала себе ногу и это было очень неприятно».

«Мы пошли на экскурсию на Мамонтовы горы. По дороге солнце пекло так сильно, что все ребята загорели. Пришли на горы, там искупались и захотели есть. Послали ребят в кооператив, они купили ситного. Хотели его раздавать, но ребята начали хватать ситный и кому досталось, а кому—нет. Потом пошли лазить по горам. Когда пришли в лагерь, то ребята стали жаловаться на загар, но все остались довольны такой экскурсией.

Потом нам трудно было лежать в мертвый час на загоревших руках, шее и спине».

16/VI. «Мальчики купались, а девочки нет, потому что были наказаны».

«Наше звено ходило на обследование местности. Двум ребятам поручили сделать план пути, по которому мы шли. На плане мы отмечали места, где водятся ягоды и цветы. Нашей экскурсии было много препятствий, например, болота, через которые нам приходилось переходить и переправляться. Один раз мне пришлось провалиться в болото по колено. Из него я выбрался с помощью руки кого-то из ребят».

17/VI. «Сегодня за чаем вожатый нам сказал, что устраивается экскурсия километров за 6. Записалось на экскурсию 20 ребят. Сначала мы шли по дороге, а потом свернули в лес и вышли к деревне. Там нас увидели крестьяне и давай спрашивать: кто мы, откуда и куда идем.

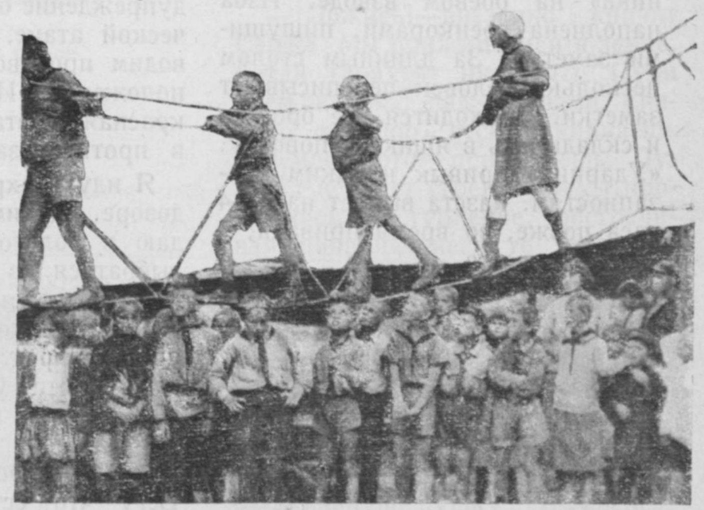
Выйдя за деревню, мы стали собирать цветы, которых там было очень много. Погода была хорошей и нам было очень весело — возились, играли в мяч, ловили стрекоз.

Вдруг мы вышли на поляну, на которой увидели дома, качели и нескольких ребят. Это была трудкоммуна беспризорных из 49 ребят. С их разрешения мы стали кататься на качелях. Качели были не обыкновенные, а «чертовы». На двух бревнах, врытых в землю, было укреплено толстое бревно через него крест-накрест были пропущены две лестницы. На концах лестниц на железных прутах были сделаны вертящиеся скамеечки. Ребята садились на эти скамеечки, другие ребята внизу их раскачивали. Некоторым страшно было, когда они опускались вниз.

Потом там были и другие качели. В землю врыт невысокий столб, а в него вделан железный шпенек. На шпенек была надета длинная доска. На краю доски садилось двое ребят, а третий вертел их вокруг столба.

Накатавшись досыта, мы отправились посмотреть трудкоммуну. В коммуне есть две мастерские, где ребята делают пряжки для поясов, лудят самовары и т. п.

Особенно понравились нам ручные вороны и галки. Одну из них зовут Колей—они очень смешно разевают рот, когда их кормят.

Учитесь у этих пионеров устройству мостов

Беспризорные также устроили очень высокие мачты для радио, саженей в 10. Мачты сделаны не простые, а стоят на подставках в роде вышек.

Потом мы оставили мальчиков играть в футбол с ребятами из колонии, а девочки пошли с вожатым искать место для купания. Итти пришлось долго, а когда пришли на речку, то места для купания не нашли. Кругом было болото и о купании нечего было и думать.

Игра в футбол окончилась в пользу беспризорных, и, отдохнув, мы пошли в лагерь. По дороге мы наломали березовых веников и, уже подойдя к деревне, опять завязли в болоте».

18/VI. «Весь день шел дождь и не давал заниматься физкультурой. После утреннего чая на столах были разложены разные книги и ребята читали их.

Мы со своим звеном разучивали частушки и пляску — к утреннику в деревне.

Вечером в столовой был сбор. Вожатые сказали, что в воскресенье весь лагерь пойдет к деревенским ребятам и проведет вместе массовую прогулку. Потом мы спели две-три песни и начали плясать.

Тут хотел сплясать повар Федя с одной пионеркой. Вожатый скомандовал: «Раз — два — три» и когда он сказал «четыре», то стол, на котором сидели ребята, сломался, словно он только и ждал команды. Все упали».

— Кто взавтра идет к деревенским ребятам?

«Наши самые старшие ребята из звена «Кр. Санитар» пошли в сельсовет для помощи председателю совета. Он двум ребятам дал прописывать карточки вновь приехавших в деревню, а двум другим дал склеивать книгу».

19/VI. «После горна мы все поспешно встали быстро оправили постели и побежали строиться. Мы так спешно проводили утро, потому что собирались в деревню. Но у нас этот праздник сорвался (погода была плохая, и гулянье началось очень поздно).

Зато все пионеры дождались своих родителей. Некоторые пионеры даже заплакали, как маленькие детки. Хотя плакали девочки и ребята с «Богатыря». Наши пионеры 20-го отряда, встретив своихм атерей, стали им показывать, что имеется в лагере».

«Ко многим ребятам приехали родители, но ко мне, как я ни ходил встречать, не приехали».

«Массовая прогулка сорвалась, так как пионеры знали, что приедут родители. И они все время ходили встречать, но все не своих. Так ребята и пробегали целый день неподалеку от лагеря».

«После чая все желающие ребята пошли в лес. Было очень весело, ребята взяли с собой ружье и стреляли в цель (в кубанку), а девочки собирали цветы.

После обеда к нам в гости пришли деревенские ребята и мы начали проводить массовые игры: крокет, городки, бега. Но так как наше младшее звено не участвовало в общих играх, то мы стали проводить свои игры: «в свечи», «третий лишний» и др. И этим мы заинтересовали еще 10 деревенских ребят».

«Сегодня день прошел весело, но было маленькое приключение: одна маленькая девочка пропала. Мы все всполошились и пошли ее искать. Когда мы шли на ст. Соколовку, то она встретилась нам по дороге. Оказалось, что она ходила за цветами».

21/VI. «Наше звено проводило беседу среди крестьянских ребят: «Жизнь пионеров Москвы». Они с удовольствием слушали и задавали вопросы. После проводили игры. Было на занятиях 7 крестьянских ребят и 2 шестнадцатилетние девочки».

2 заметки из стенгазеты

«Каждый день деревенские ребята ходят к нам, чтобы играть. Больше всего им нравятся игры с мячом.

2—3 пионера берут мяч, и глядь—их уже окружила целая толпа деревенских ребят и заводят какую-нибудь игру. Правда, иногда выходят непрятности—мы даем мяч для игры руками, а они играют в футбол».

«В нашей спальне у девчат старшего возраста каждую ночь происходят такие концерты, что без вожатого обойтись никак нельзя. Часто девчата плачут, наслушавшись разных страшных сказок».

С гармошкой по деревне

Чтобы более сдружиться с деревенскими ребятами, пионеры думают, взяв гармошку, отправиться звеном на площадь и там начать пляску и игры.

Такой опыт пионеры уже сделали, и на гармошку собралось много деревенских ребят. Они густо окружили пионеров и, раскрыв рот, смотрели, как плясали пионеры.

В следующий раз пионеры втянут этих ребят в игры.

В ИЮЛЬСКИЕ ДНИ

Воспоминания И. ДУХВИНСКОГО-ОСИПОВА

Демонстрация на Невском

В июльские дни 1917 г. я работал в особняке Кшесинской, заведывал подпиской на газету Военной Организации РСДР Партии (б) «Солдатская Правда».

До июльских дней в особняк приходило очень много рабочих за всевозможными советами и указаниями, особенно рабочие Выборгской стороны. Немало наблюдалось публики с Невского в котелках и шляпках. Последние заходили во внутрь особняка, чтобы удовлетворить свое любопытство и узнать, что это за «большевистское гнездо».

В среде рабочих и солдат Питерского гарнизона тогда было большое недовольство Временным Правительством.

2-го июля вблизи особняка собралось много отдельных групп рабочих и солдат, которые горячо спорили между собою.

3-го июля питерский пролетариат выступил против буржуазного правительства, заявляя: «Долой войну, долой министров-капиталистов, вся власть Советам». Первым застрельщиком был Пулеметный полк с Выборгской стороны, часть авто-броневого дивизиона, дружно поддержанные рабочими массами.

Работа в Петербургском Комитете закипела. Стали прибывать к особняку рабочие с заводов и солдаты из воинских частей. Прибыли броневики. Все прибывающие горячо требовали указаний и распоряжений, заявляя: «Теперь мы в вашем ведении, приказывайте, что нам делать!».

В три часа дня 3-го июля я, по распоряжению штаба, выехал из особняка Кшесинской на броневике в город узнать, что происходит в центре. Броневик через Троицкий мост направился на Марсово поле. Переехав мост, мы увидели, что на Марсовом поле скопилась масса демонстрантов, которых казаки, с шашками наголо, разгоняли. С Миллионной улицы и набережной Невы слышалась стрельба. Когда наш броневик открыл пулеметный огонь по распоряжению старшего из отряда, казаки бросились бежать врассыпную. Переехав Марсово поле, мы направились по Садовой улице к площади Покрова, где все оказалось спокойно, но по Садовой улице, по направлению к Невскому, двигались вооруженные демонстранты. С Покровской площади мы возвратились на Невский и направились к Николаевскому вокзалу. По пути встречались вооруженные демонстранты и воинские части, которые, завидя наш броневик, провожали его дружными криками ура, так как на броневике был вывешен плакат: «Вся власть Советам». Возвращаясь по Невскому обратно, на углу Итальянской и Садовой мы заметили выстрелы по демонстрантам из окон. Броневик остановился, и стрельба прекратилась.

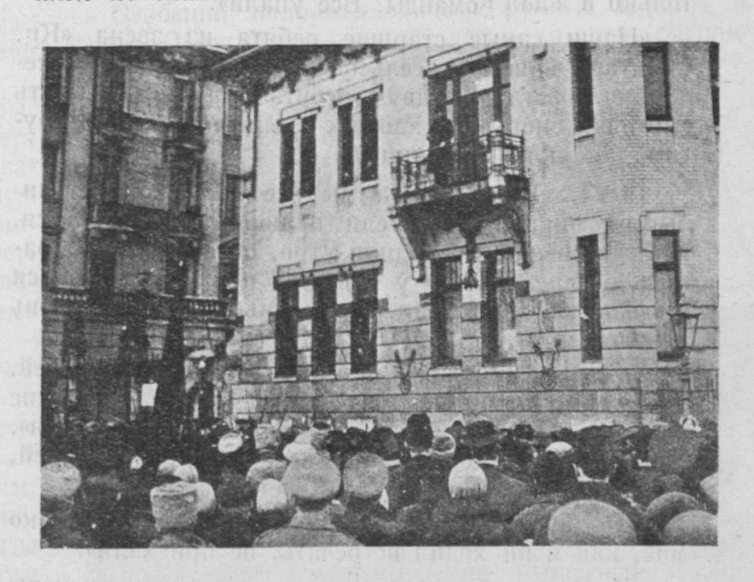
К вечеру особняк обратился в военный и укрепленный пункт. Кругом были расставлены пулеметы. Внутрь свозилось и сносилось оружие и патроны.

Поздно вечером к особняку прибыл отряд матросов.

В тот же день т. Еремеев, употребив дипломатическую военную хитрость, без особых затруднений занял Петропавловскую крепость. Комитет крепости был в большинстве своем на стороне большевиков.

Утром 4-го июля. (К нашему несчастью и благодаря саботажу телефонных барышень, особняк был выключен из телефонной сети. Настроение работавших в особняке сразу упало. Все бегали и суетились, не зная, что предпринять). В городе наблюдалось необычайное зрелище: улицы были переполнены вооруженными демонстрантами, рядовые же обыватели попрятались. Появились расклеенные по городу приказы Временного Правительства о подавлении якобы большевистского восстания, грозящие строгой карой всякому антиправительственному выступлению.

В ночь с 4 на 5 июля никто из работавших в особняке не спал.

В. И. Ленин в июльские дни говорит с балкона особняка Кшесинской

Рано утром увидел я т. Ленина, который сидел на стуле в небольшой комнате особняка, возле него стояли т. Зиновьев и т. Свердлов. Лица т. Ленина и Зиновьева были очень озабочены. Причиной этой озабоченности было то, что т. Свердлов, как впоследствии я узнал, убеждал их скрыться и утверждал, что это необходимо, так как надеяться на Временное Правительство и меньшевиков не приходится.

Поздно вечером 5-го июля я, после двухнедельного отсутствия, пошел узнать, что делается дома. Переночевав на квартире, рано утром направился обратно к особняку Кшесинской, но, подойдя к Троицкому мосту, увидел, что мост разведен. Желая все же попасть в особняк, я пошел искать яличника, но попытки мои не увенчались успехом, так как яличника не нашел и возвратился обратно к мосту. Здесь увидел легковой автомобиль, в котором сидело несколько человек, а среди них Филипковский—оборонец, член Президиума ВЦК'а; остальных я не знал. Увидев меня, Филипковский заговорил со мною и, зная меня лично, спросил с насмешкой: «Ну, что же вы теперь будете делать? Вам, повидимому, необходимо пройти в особняк Кшесинской? Но теперь там уже вам нечего делать».

Стрельба по демонстрантам

Он уехал, а я остался у моста, окруженный собравшейся во время нашего разговора враждебной толпой; из толпы некоторые начали меня спрашивать, не большевик ли я, а также слышались возгласы убежденных в том, что я большевик: «Это германский шпион, у него должно быть много денег—нужно его обыскать».

Один из толпы бросился на меня и ударом по лицу сбил мою шапку.

Дежурный юнкер передал меня милиционеру, который препроводил меня в участок, помещавшийся на углу Итальянской и Садовой. За нами следовала толпа, которая остановилась у входа.

Милиционер сдал меня дежурному, рассказав, что я хотел перебраться через Неву в особняк Кшесинской; меня заперли в отдельную комнату.

Ночью в комнату привели нескольких товарищей, задержанных на Невском за большевистскую агитацию. Утром, после допроса, нас освободили, взяв с нас подписки о невыезде из города.

9-го июля, проходя по Невскому, я был неожиданно арестован неизвестным суб'ектом, который препроводил меня в Штаб Округа. Штаб без всякого допроса перевел меня в Пересыльную тюрьму, где я встретил многих товарищей среди которых оказался и т. Баландин. Просидев в тюрьме около 3-х недель без всякого допроса, я с другими товарищам был освобожден.

Между прочим, сидя в тюрьме, я по наивности написал письмо Филипковскому, как члену Президиума ВЦК'а[1], так как тот знал меня по нелегальной работе до Февральской революции, с просьбой об освобождении, но получил отказ с характерной надписью: «Не нужно быть большевиком».

Случайно, после Октябрьского переворота, того же Филипковского я встретил арестованным в Смольном, он в разговоре со мною в присутствии т. Лашевича говорил, что большевики напрасно арестовывают невинных людей.

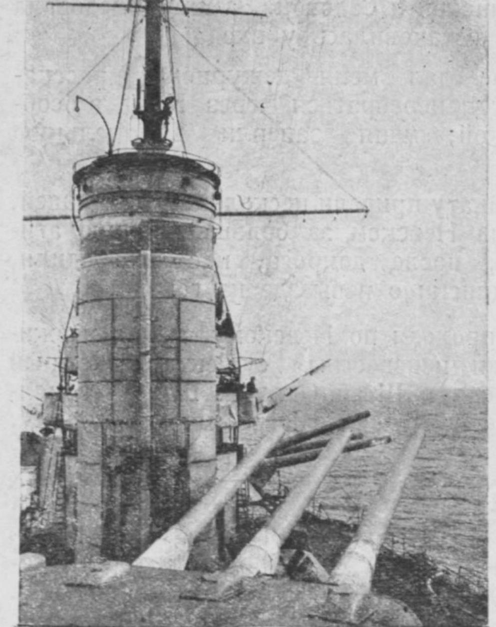
Вспомнив его ответ на мое письмо, я в свою очередь не остался в долгу и сказал ему: «Не нужно быть оборонцем-предателем и не были бы вы арестованы».

---

[1] В. Ц. К.—Всероссийский Центральный Комитет Советов рабочих и солдатских депутатов.

ТОЛЬКО В МОРЕ МЫ ДОМА

Письмо краснофлотца А. СПИРИДОНОВА

В походе

Если бы, ребята, кто-нибудь из вас заглянул в стенную газету военно-морского училища имени Фрунзе в Ленинграде — «Шторм», то вы бы увидели, что из нижнего угла проходит лозунг:

ТОЛЬКО В МОРЕ МЫ ДОМА

Есть ли такие дома, которые плавают в море? Есть такие дома. В них, как нигде, крепко спаяны водою интересы сотен людей. Сотни людей помещаются во всех этажах такого «дома»!.. На самых больших кораблях, которые есть у нас, 5 этажей. Правда, три из них находятся ниже уровня воды, но этим нечего смущаться: в них так же тепло и сухо, как и в надводных. Только солнце туда не проникает... Это внизу. Если же кто-нибудь из вас захочет увидать верхушки мачт, стоя на палубе [1], то для этого надо высоко, высоко задрать голову...

Как только майское солнце начинает припекать все сильнее и сильнее, моряки-краснофлотцы, или как вы называете «матросы» [2], ждут с нетерпением того дня, когда на грот-мачте [3] взовьется красный вымпел, свидетельствующий о том, что летняя кампания началась и корабли скоро пойдут.

В МОРЕ

Хорошо в море, когда солнце, как горячий медный шар, нагреет только что вымытую палубу... Как хорошо и приятно развалиться на ней и подставлять себя солнцу, поворачиваясь, как карась на сковородке... и тут же рядом вода...

[1] «Палуба» — морское название пола.
[2] Слово «матрос» не употребляется теперь в военном флоте, или употребляется как шутка.
[3] Задняя мачта на 2 мачтовом корабле.

Чистили картошку на верхней палубе во время похода

Если очень жарко, то изволь... прыгай в воду... И опять на солнышко... Плохо только одно, что такому ничего неделанию можно предаваться по воскресеньям и праздникам, в остальные же дни надо работать, отдыхая только в «мертвый час».

ТРУДОВОЙ ДЕНЬ КРАСНОФЛОТЦА

Многие из ребят спросят, а что же делают «матросы» на корабле? Какая такая у них работа, если они сейчас ни с кем не воюют? А работа такая: краснофлотцы учатся. Учатся для того, чтобы во время войны уже «не зевать», а знать всякому свое дело и свое место во время боя. Поэтому-то и введен такой большой срок службы во флоте—четыре года.

Многие краснофлотцы, окончив с большими знаниями специалистов, эти знания применяют, работая на производстве. Посмотрим теперь, как приблизительно проходит трудовой день моряка.

С раннего утра начинается жизнь и учеба на корабле.

В 6 часов побудка... Горнист ходит по кораблю, заглядывает во все люки, щели, где можно устроиться ночевать. Когда горнист заревет над ухом, то вскакиваешь, как сумасшедший, и почему-то хочется здорово стукнуть по его горнистовой толстой шее, но уже в следующую же минуту надрываешься от смеха, глядя как у разбуженного спеца дико бегают глаза, очевидно зажженные тем же желанием «приласкать» горниста... И так дальше, по всему кораблю...

После побудки чай, уборка палубы и в 8 часов—под'ем флага [1]. После под'ема флага команда практикуется в гребле на шлюпках. Вокруг корабля только и слышно: «Ать-два-а-а...»; это рулевые на шлюпках обучают неумелых, чтобы гребцы гребли враз и шлюпка имела наибольший ход.

На фок-мачте [2] поднимаются два флага, которые означают: «Переменить род движения», и через несколько минут, шлюпки с белыми, красиво надутыми парусами ходят [3] вокруг корабля. Близко около носа или кормы проходят одна за другой шлюпки, сильно накренившись на бок... Вот, вот заденет... но шлюпка проходит благополучно. Это называется «резать» корму или нос корабля;

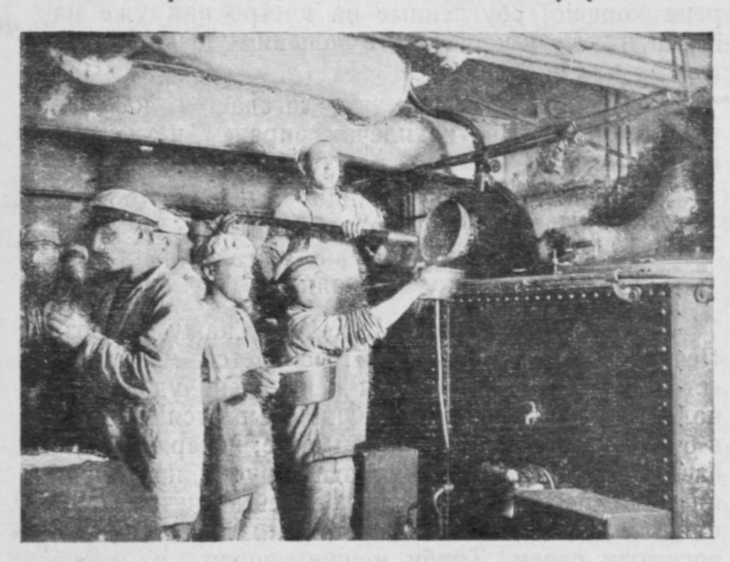
[1] Под'ем флага происходит каждый день на всех кораблях в 8 час., опускается же флаг при заходе солнца.
[2] Передняя мачта 2 мачтового корабля.
[3] Морское выражение «ходят» вместо сухопутного «ездят».

и чем ближе к носу, тем удалее и храбрее считается рулевой. В 12 часов—обед.

После обеда «мертвый час». В этот час никто ничего не делает (кроме вахтенных[1]). Кто спит, кто просто загорает на солнышке. Играют в шахматы, но все тихо. Кругом вода и небо, небо и вода. И кажется, что когда-то давно был на земле и что нет ее совсем... Лишь крики чаек напоминают о существовании «суши», по которой нет-нет да соскучится моряк, пробыв безвыходно месяца два, три на корабле...

Опять горнист. А за ним дудка: «желающие купаться». Быстро, на ходу раздеваясь, в воду... После купанья опять все свежие. Опять учеба, но уже целиком на корабле.

Артиллеристы «старички» обучают молодежь наводить пушки и затем уже стрелять. Группа моряков учится дышать в противогазах, прибавляя срок пребывания в масках каждый день по 3 мин. Где-нибудь в тени «марсовые»[2] заплетают конец у толстого каната, чтобы не развязался. И над всем этим, запарившись, бегает помощник «управдома»,

Получаем обеды на камбузе

т.-е. помощник командира. Обязанность его в это время—смотреть, чтобы люди не бездельничали или, как говорится по морскому, «не саковали». И так до 6 часов. В 6 часов ужин.

Весело бегут краснофлотцы с бачками и тарелками на «камбуз»[3], где старый ворчун кок[4] с прибаутками раздает пищу. После обеда всякий занимается, чем хочет. Есть ленинский уголок, в котором свежие газеты и журналы, радио, шахматы, игра и читальня. Но лучше всего проводить время на «баке»[5]. Это единственное место на корабле, где можно курить. В свободное время бак всегда полон народу. На якорном канате[6], на кнехтах[7],

[1] Вахтенные—дежурные.
[2] Специалисты по такелажному делу, т.-е. витье веревок, плетенье кранцев и т. д.
[3] Кухня.
[4] Повар.
[5] Передняя часть корабля.
[6] Цепь для вытаскивания якоря.
[7] Тумбы для заматывания каната при приставании к пристани.

Политзанятия на корабле

шпилях[1]—всюду группы краснофлотцев, посасывающие трубки, дымящие злосчастной «махрой», долго сидят. Вечер. Давно уже прозвучал сигнал, давая знать о спуске флага... Бак пустеет. Остается только небольшая группа закадычных друзей, способных пролежать всю ночь на спине, задрав высоко ноги и вглядываясь в звезды, мерцающие в темной дали.

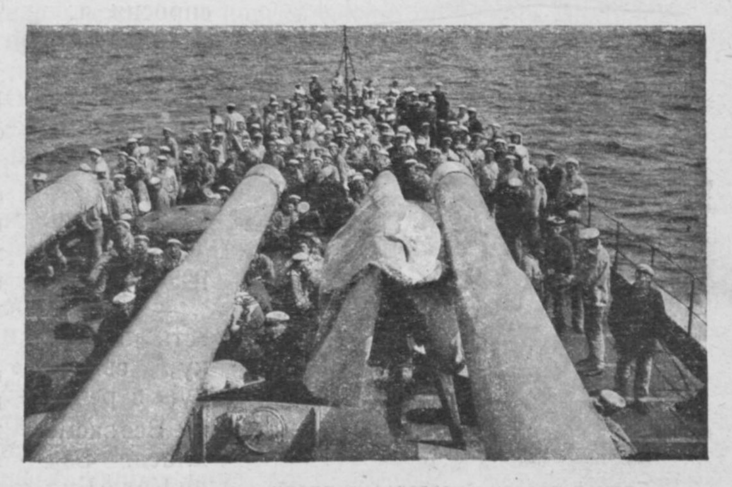
Другое дело, когда ветер волком воет в стальных снастях рангоута[2]. Тяжело дышет море, вздымая громадные волны. И уже корабль не похож на «сухопутный» дом, так как море дает ему порядочную встряску. С бока на бок переваливается корабль, как какое-то морское чудовище... недоволен качкой...

Мало довольных и среди команды. Особенно плохо тем, которые еще первый год на море: тошнит, не привыкли.

В такой шторм находятся желающие, которые садятся на баркас[3], подымают паруса и... айда в море, прочь от корабля. Жестоко платятся они за эту смелость, так как придут на корабль мокрые до ниточки, измученные, холодные, но бесстрашные.

Так вот вам, ребята, кусочек жизни «матроса» в этом большом морском доме.

[1] Приспособление для натягивания якорного каната.
[2] Мачты, реи и т. д.
[3] Большая шлюпка для перевозки тяжестей. Очень устойчивая на воде. Для управления ею под парусами надо 20—25 человек.

Общее собрание

Лагерные приключения

Дневник и рисунки мои
Чертежи КОЛИ БУЛКИНА

1 июля. После примирения наш лагерный поэт и писатель, т.-е. я, сочинил такие стихи в честь мира:

Катает наш катаморан
Пролетариев всех стран.

Сочинял я эти стихи в большом восторге. Восторга, правда, хватило только на две строчки. Зато строчки вышли очень хорошие. Впрочем, с этим многие не согласны, т.-е. все не согласны, за исключением меня.

Катались мы и соседний лагерь на катаморанах до умопомрачения. Кроме катаморанов были, конечно, и плоты. Мы прыгали с них в воду, плавали рядом с ними.

Все было очень интересно, пока не надоело. Тогда мы вылезли на берег, легли на песок и стали думать, грея свои животы на солнышке:

Солнышко греет наши животы
Думаем мы про свои, про плоты,
Чтобы нам сделать, братцы,
За чтобы такое взяться?

Это тоже мои стихи.

2 июля. Сегодня опять лежали на берегу с ребятами из 149-го отряда и думали. Мы ничего не выдумали, а Коля Булкин все-таки выдумал. Вернее, не он выдумал, а его живот.

— Ребята,—сказал он,—у меня что-то живот болит.

— Отчего бы это?—спросил я.

— От того, что есть хочу.

— Спеки картошку.

— На костре?

— Ясное дело не в речке.

— А я хочу есть картошку, сваренную в речке.

Все засмеялись. Взяли Колю Булкина снесли в речку и устроили «окунацию» Николая Первого. Но его это не смутило, и он после окунации с жаром заявил, что хочет есть картошку, сваренную в речке.

Едем в соседний лагерь на плоту

Через два часа, как Коля Булкин и предсказывал, мы ели картошку, сваренную в речке. Речки было немного, одно ведро, но картошка была сварена хорошо; обугленные на костре нам уже надоели, и мы эту картошку с большим удовольствием ели.

Как мы сделали печку догадается каждый, у кого есть голова на плечах, впрочем, нет, скажу в стихах:

Мы сделали глиняную печку,
На ведро воды ограбили речку,
Никого не слушали
И картошку скушали.

Нет, в стихах плохо выходит. Скажу в прозе. Печка делается вот как. Выбирается место, где есть глинистая почва. Для печи очень удобно использовать старую бочку. Она врывается в землю, в бугорок, открытым днищем к себе; наверху прорубается отверстие для дымохода, «трубы», и снаружи плотным слоем обсыпается землей. Внутри облепляется глиной, а если глины нет, насыпается земля вогнутым слоем. Трубу можно сложить из дерна, а если есть глина, то из нее вперемежку с палками, щепами и пр. Выгодность такой печки очевидна: дым идет в трубу и не мешает сидящим перед отверстием греться от большой пышащей жаром поверхности; кроме того, нагревается и земля, которой обсыпана бочка.

Перед тем, как зажигать, Коля Булкин вынул спички и сказал:

— Такую необыкновенную картошку разве можно обыкновенными спичками зажигать.

— Нельзя, — ответили мы, хотя и не знали, чем же ее, собственно говоря, зажигать, но Коля Булкин,

Мы прыгали с плотов в воду, плавали рядом с ними

не говоря ни слова, вынул спички из коробки и бросил их в речку. Спички поплыли, а мы хотя и надеялись на Кольку, но с грустью смотрели, как тихо мокли и уплывали наши единственные спички, которые были на хранении у Кольки Первого.

Колька победно смотрел на нас, потом влез в воду, выловил спички, отряхнул их и с гордым видом чиркнул одну спичку о коробку и... спичка зажглась ярким пламенем, которым зажгла хворост в печке и надежду в наших сердцах.

Потом оказалось, что Колька смочил спички в расплавленном парафине от оплывшей свечки. И все. Вода через парафин не проходит, и спички внутри остались сухими.

Как я уже написал, картошка была вкусная. Пошли домой.

4 июля. Пишу вечером. Сегодня пошли купаться, нашли наши катамараны в камышах, решили к ним вернуться. Опять прыгали с них в воду. Но для пpыганья они не приспособлены, мы решили сделать настоящий пловучий трамплин и сделали его таким образом:

При помощи пяти досок сбиваются вместе два бревна так, что одна доска отстоит на некоторое расстояние от четырех других. На нее набивают два шипа, чтобы не ерзала и не с'езжала вбок доска, служащая самым трамплином и упирающаяся задним концом в остальные доски. Еще одна прибивается под бревнами. Она служит для того, чтобы пловец, когда он перед самым нырком присядет или упрется ногами в трамплин, не перевернул бы все сооружение: упругость воды не даст, благодаря нижней доске, подняться хвосту нашего плота и вместе с тем сама пружинит — скачек будет упругим и удобным для погружения. Такой плот можно отвести от берега на нужное место или пускать его на канате и с него нырять, взбираясь из воды и снова в нее бросаясь.

5 июля. Чего без толку прыгать. Решали сделать состязания, кто дальше прыгнет. Предложил это Коля Шамет. Странно, что сделал это предложение именно Шамет. Плавать он не умеет, прыгать тоже нет, к тому же у него зубы болят. Состязание началось сегодня утром. Состязались мы часа три. Но ни к каким результатам не пришли. Мы решили, что наш лагерь победил, 149 отряд решил, что их лагерь победил. А в самом деле поди-ка, определи, кто дальше прыгнул и кто ближе. Я, во всяком случае, не берусь.

Коля Булкин, как мы его ни просили, отказался наотрез что-нибудь изобрести, он говорил, что ему не хочется изобретать, но я уверен, что просто пороху нехватило. Нельзя же, в самом деле, изобретать да изобретать. Надо дать отдохнуть человеку.

Спор с 149 отрядом у нас вышел сильный, такой сильный, что мы решили снова начать игру в войну. Кто поборет на этой войне, тот будет прав. Миша нам говорил, что это ерунда, что это ничего не решит, но нам хотелось играть в войну, и он отстал.

6 июля. ВЕЛИКАЯ КАРТОФЕЛЬНАЯ И ДИКАЯ ЯБЛОЧНАЯ ВОЙНА.

Сегодня мы начали приготовления. Вот перечисление нашего оружия: рогатки, рогатки с кольцом, катушечные самострелы, луки и арбалеты — это легкое ручное оружие. Из тяжелого у нас была пушка-капкан из старой мышеловки.

Часть оружия — все что стреляет картошкой и яблоками-дичками, мы приготовили для действия против неприятеля, — остальное для стрельбы в цель и стрелковых состязаний. Опишу, как мы это делали.

Знаменитая рогатка. Трехконечный сучок дерева, к нему крепко прикручены две резинки с куском ремешка; один сук в руке, вилка двух других служит прицелом, и камень, зажатый в ремне, далеко мчится от толчка спущенной резинки. Такие рогатки всем, конечно, известны. При некотором навыке с их помощью удается очень метко попадать в цель: нужно только, чтобы прицельная рогатка была возможно уже, меньше расстояния между «ногами» и хорошо, если эти ноги выгнуты в одну сторону — к стрелку. Если стрелять не камнем, а взять стрелу, то прицел можно сделать еще более метким: в палочку-рукоятку ввинчивают кольцо (от дверного крючка), а к ее шейке — вдвое сложенную резинку. Стрела пяткой ложится в складку резины, а концом просовывается в отверстие и в таком положении резина натягивается. Если смотреть вдоль стрелы и поверх петли, то можно тщательно прицелиться, приняв, конечно, во внимание (опыт скоро приобретается практикой) кривизну полета. Острая и хорошо уравновешенная стрела летит далеко и метко попадает в цель.

Длинное дуло ружья или пушки служит для того, чтобы в начале своего полета пуля приобрела верное н а п р а в л е н и е: дуло, по которому пуля летит в самом начале своего пути, дает ей нужное, по желанию стрелявшего, направление, ко-

торое она изменяет только благодаря тяжести или под влиянием ветра. Поэтому-то наши самострелы (рогатки и кольцо) только относительно метки, они почти не выправляют линию полета, камня или стрелы. Но и мы сделали дульное оружие. Мы взяли большую, катушку (очень хороши катушки с текстильных фабрик) и приготовили самострел, как он изображен на рисунке Коли Булкина. Стрела с гвоздиком вместо наконечника должна иметь толщину по диаметру отверстия катушки, не болтаться в нем,но и не входить в него туго. Хотя короткодульное оружие (револьверы) всегда менее метко стреляет, чем длинноствольное, но наш револьвер благодаря тому, что сама стрела длинная, хорошо направляет ее в цель, если оружие, понятно, не дрожит в могучей руке стрелка.

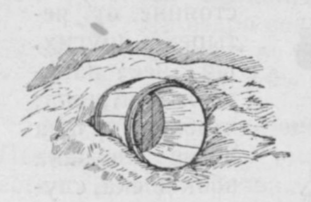
Теперь лук—старинное оружие индейцев и наших предков. Его очень легко готовить из молодой рябины и хорошей крученой бичевки (для тетивы); струна, конечно, была бы еще более удобной. Чтобы использовать лук на войне с 149-м отрядом, мы сделали некоторое усовершенствование, приспособив его для метания картошки, яблока-дичка и тому подобных снарядов. Для этого в самом центре лука просверливаем круглое отверстие для кончика стрелы, а стрелу делаем с утолщением А так, чтобы длина толстой части соответствовала расстоянию от тетивы до отверстия, когда лук не натянут, а находится в своем естественном положении. Вставив стрелу в отверстие, натыкаем на ее конец из лежащей у ног кучки одну картошину, яблоко или что-либо другое, натягиваем, а затем спускаем тетиву. Стрела готова ринуться вперед, но в отверстии толстая ее часть спускается и она останавливается, а картошка по инерции летит вперед, в цель. Это будет наше главное оружие, так как картошка—пуля, не причиняющая большого вреда: это не стрела, которая может пронзить насквозь или во всяком случае вонзиться в тело.

При стрельбе из лука стреляющий должен встать боком к цели, расставив слегка ноги, руки сильно врозь. Вытянув левую руку в сторону цели, он правой натягивает тетиву и целится, прищурив один глаз, также повернув голову влево. Никогда не следует стрелять прямо вперед—смешить индейцев, да и меткость гораздо меньше.

Готовая печка и мы

Теперь об артиллерии. Старый капкан для мышей—вот и все, что надо для изготовления орудия. На деревянном ящике, служащем хранилищем снарядов, укрепляют пружинную мышеловку так, чтобы ее рама (рис. 5) стояла вертикально вверх и удерживалась в этом положении двумя планками гвоздем, продетым в одно из отверстий. Хлопающая по мышенку проволочная рама поддерживает деревянный брусок с чашкой, который отклоняют до крышки и зажимают специально сделанным крючком К. Когда в чашку положена картофелина и раздается команда, крючек отодвигают и чашка взлетает вверх до соприкосновения ее бруска с рамой мышеловки. Силой пружины картошка летит далеко вперед, в неприятельский лагерь, перелетая при наклоне орудия и через высокие препятствия.

Для меткой стрельбы камешками мы приготовили «арбалет», вырезав из дерева ложе с отверстием А для спуска. Впереди прибивается планка В с двумя кольцами для двух резинок С и С, привязываемых с одной стороны к кольцам, с другой—к кусочку хорошего ремня с прорезом. В отверстие А вставляется деревянный треугольник с привинченной на него железной полоской. Полоска спереди загнута вниз, а сзади имеет отверстие, в нем—кусочек веревки с кольцом на конце. Вставив треугольник, протыкают его гвоздем, проходящим и через ложе, а в точке Е притягивают за крючок спуска, положив перед ней камень или стрелу (для этого случая вдоль ложа следует продолбить желобок), и, подтянув за кольцо указательным пальцем, спускают резину. Таким образом, наш арбалет действует.

Будущая печка

10 июля. Оружие мы делали несколько дней. Сегодня стрельба в цель для предстоящих состязаний. Мы делали так: вешали за веревку кусочек стекла или аптекарскую склянку и в нее стреляли, отходя все дальше: меткий выстрел будет сопровождаться звоном осколков. Когда мы научились попадать на определенном для нашего оружия расстоянии в такую неподвижную или малоподвижную цель, мы натянули между двумя деревьями с сильным наклоном проволоку или бичевку.

Небольшой блок с подвешенной бутылкой, чучелом или каким-нибудь сигналом, раскрашенным по желанию, скользил от точки высокого привеса к более низкому. Чтобы не утомляться—возвращать цель назад к высокой точке, мы привязали к цели нитку и перекинули ее через сук дерева: когда блок докатывается до низу, с помощью нитки возвращают его назад.

11 июля. Стреляем, стреляем, стреляем. Эх, если бы достать ружье.

12 июля. Тоже стреляем.

13 июля. Стреляем.

14 июля. Завтра будет сражение, сначала примерная война дикими яблоками, потом состязания на меткость. Усилиями вожатых, советов отрядов

и сознательности война против 149-го отряда превращается в мирные состязания. Не беда. Я только знаю, что когда попаду в Красную армию рука у меня будет твердая, а глаз меткий.

15 июля. Сегодня прошли состязания. Ура! Мы победили. В начале этой главы моего дневника я нарисовал большую картинку. На ней изображены наши состязания друг против друга. Мы это, которые белого цвета, наши враги (воображаемые, конечно) черного цвета. Но этим, собственно говоря, не началось, а кончилось наше состязание. Началось стрельбой из лука.

Луки были сделаны лучше у ребят из 149-го отряда, но мы победили благодаря тому, что они стреляли неправильно—лицом к своей цели. Надо стоять боком.

Коля Шамет никак не мог хорошо попасть в цель. Тогда он предложил стрелять всем через его очки. Он близорук. Некоторые ребята согласились. Конечно, в этом деле он всех победил, потому что через его очки ничего не видать. В них видят только близорукие. Что касается меня самого, то я стрелял ничего себе, по-моему, даже хорошо, но попадал главным образом не в цель, а в другие места. В Мишу Башилова, вожатого, я тоже попал. Но тут я совсем не виноват, не будь таким большим.

Я и лук

Состязания вышли веселые, а главное принесли много пользы. Ребятам понравилось стрелять. Попадать в цель, между прочим, не трудно, лишь бы только рука не дрожала. Когда не надо стрелять, так ничего, не дрожит, а как стрелять, так она дрожит, как бешеная. После состязания руки у всех дрожат меньше, а кроме того, мы победили—и поэтому ура!..

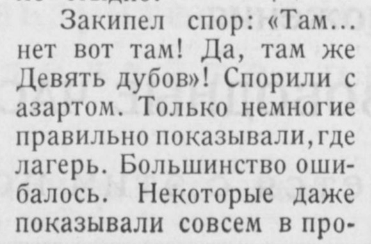
ОРИЕНТИРОВАНИЕ НА МЕСТНОСТИ

17 июля. Вчера ходили в лес.

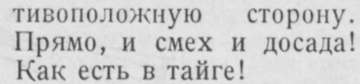
Вожатый Миша завел нас далеко, далеко: в самую гущу леса. Вверху голубое небо да солнце. В стороны—непролазная лесная чаща.

Вышли на маленькую лесную полянку. «Ну, ребята,—сказал Миша,—теперь давайте найдем, в какой стороне наш лагерь?». Переглянулись ребята между собой и сразу поняли, что заблудились. Кто поменьше, так не особенно поняли трудность положения. Коля Булкин чувствовал себя виноватым. Ему было стыдно.

Рогатка с кольцом

Закипел спор: «Там... нет вот там! Да, там же Девять дубов»! Спорили с азартом. Только немногие правильно показывали, где лагерь. Большинство ошибалось. Некоторые даже показывали совсем в противоположную сторону. Прямо, и смех и досада! Как есть в тайге!

— Вот что ребята,—говорит Миша,—если когда заблудитесь, ищите сначала, где находится юг, север, восток и запад. Отыщите стороны света, вы легко догадаетесь, где наш лагерь.

Самострел (чертеж Коли Булкина)

Тут он нам рассказал много, много различных способов найти стороны света.

— У кого, говорит, часы идут верно? Часы были у Коли Булкина. У всех было десять часов.— Поверните часы так, чтобы часовая стрелка была обращена прямо на солнце.

— Есть,—раздалось несколько голосов.

— Разделите угол, образуемый цифрой XII и часовой стрелкой, пополам. Линия, идущая от центра циферблата посредине между цифрой XII и правой стрелкой, и будет показывать вам прямо лицом на юг, сзади вас будет север, слева — восток, справа—запад.

— Часы—это только подручное средство для ориентирования. Вот этот прибор называется компасом. Черный конец стрелки у него всегда указывает на север. Компас — самый точный прибор, позволяющий найти правильные стороны света.

— Это все хорошо! — спросил я Мишу.— А вот у меня нет ни компаса и ни часов, как я найду дорогу, если заблужусь?

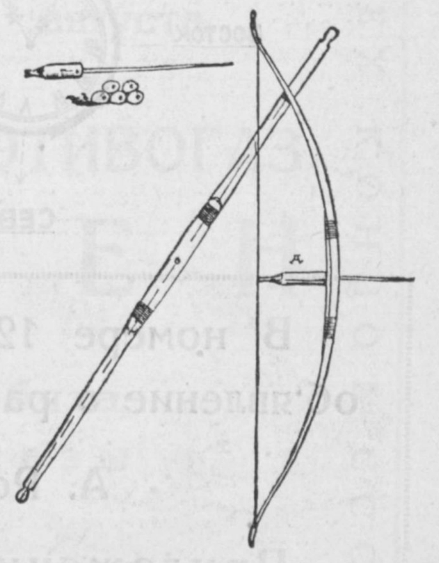
— Самое важное—это нужно сохранить полное спокойствие, в какое бы трудное положение каждый из вас ни попал. Способов ориентироваться и без компаса и без часов очень много. Вот смотрите на окружающие вас деревья. Где листва пышней?

— Ну, конечно, здесь!—раздалось сразу с десяток голосов.

— Так вот, листва на деревьях гуще с южной стороны.—А ведь и в самом деле в этой стороне не юг, — закричал от радости Коля Шамет.

— Ну, а если я в поле, где лесу нет, как тогда?.. не унимался я.

— Вот смотрите,—указывает вожатый на лежащий в стороне вросший в землю камень,—южная сторона чистая, а на северной стороне темная, даже есть мох. Стволы деревьев, пни, столбы, деревянные и

Лук, стрелы и дикие яблони чертил Коля Булкин

особенно соломенные крыши домов всегда темней с северной стороны. Снег зимой наметает больше с северной стороны. Проталинки весной больше с южной стороны. А теперь пора домой.

Новые мысли я нес в себе, строя планы целых путешествий. Ребята всю дорогу старались находить юг, север, восток и запад. Я шел молча, обдумывая свои планы. Часы... часы... обязательно куплю часы и заберусь в самый большой лес...

— Ребята! Видите церковную колокольню?— крикнул громко вожатый и прервал мои мысли. Мы стояли на опушке леса и недоуменно смотрели на колокольню и громадный пузырь купола. «Зачем, думаю, ему понадобилась колокольня, в бога из нас и так никто не верует».

— Алтари в православных храмах и в синагогах обращены на восток, в костелах—на запад; входы в мечети обращены на юг. Кресты церквей обращены плоской стороной на восток. Сейчас двенадцать. Солнце в 12 час. на юге. Проверьте, так ли это!

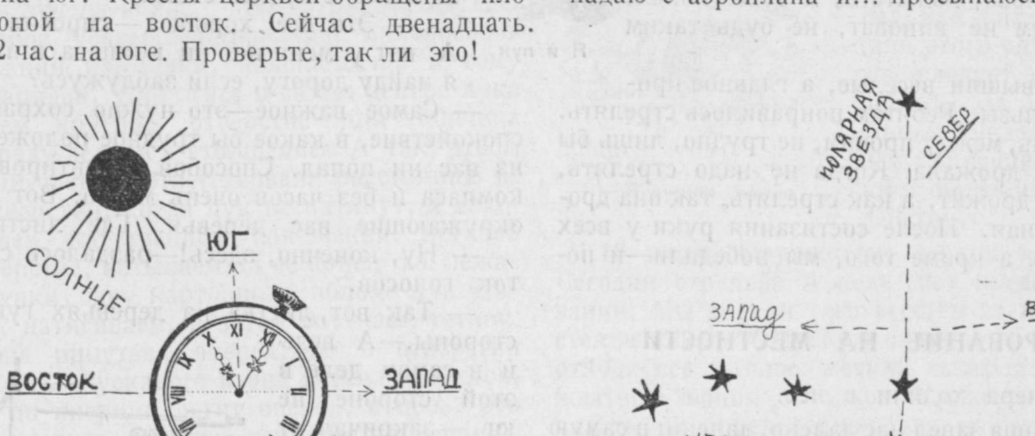

Булкинские чертежи арбалета

Посмотрели на церковь, на деревья и, наконец, на компас: верно, солнце вокруг стоит на юге.

Уже было темно, когда мы подходили к лагерю. Клонило ко сну. Молча подошли к своим палаткам и готовы были разойтись. Но Мишка остановил всех и рассказал, указывая на звезды, как можно ориентироваться по звездам. Откуда он знает, спрашивается.

«Полярная звезда» находится на севере. Сначала нужно найти «Большую Медведицу»—группу довольно ярких звезд в форме ковша. На линии звезд а и б, на расстоянии в 5 раз большем, чем расстояние между ними, находится яркая звезда. Это и будет «Полярная звезда».

В полудремоте я еще раз посмотрел на «Полярную звезду», глубокое звездное небо. Заснул и полетел на аэроплане. Тайга, степи и Сахара. На руке часы, а в кармане камень, покрытый с одного боку мхом. Вдруг я падаю с аэроплана и... просыпаюсь.

В номере 12 „Пионер“ ошибочно было напечатано об'явление о рассылке приложения

А. Родин — В СВОБОДНЫЕ ЧАСЫ

Приложение рассылается с этим номером

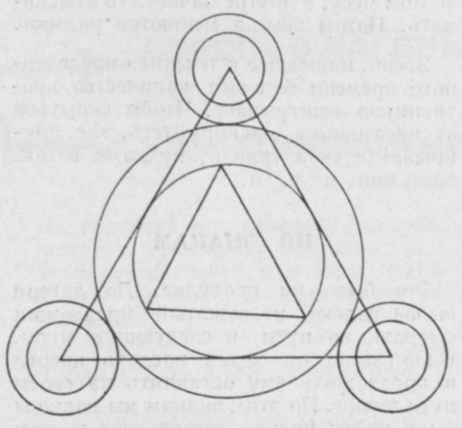

№ 34. РАССКАЗ ПИОНЕРА

Петя откашлянулся и продолжал свой рассказ:

— „Каких, каких только животных мы не видали в зверинце: и львов, и тигров, и носорогов, и разных пород кур, коз, птиц, да прямо названия их и пересчитать трудно. Но вот руководитель сказал нам, что скоро будут кормить зверей. Мы никогда еще не видели, как кормят их, и потому с нетерпением ждали этого момента. Звери, зная обычный час кормления, тоже ждали его и заметно волновались. Дикие звери нервно ходили по своим клеткам, подходили к решотке и как бы смотрели на ворота, откуда должна была показаться тачка с мясом. Но вот, наконец, распахнулись ворота, и на большой тачке выкатили целые туши разрезанного на куски мяса. Запах его сразу почувствовали все звери. Дикие звери нервно забегали по своим клеткам и, приближаясь близко к решотке, рычали и испускали какие-то странные неопределенные звуки. Сначала стали кормить больших зверей. Вот под'ехала тачка к клетке со львом. Служащий подхватил на огромные вилы большой кусок мяса и бросил его в клетку через специальное отверстие. Животное с жадностью принялось разрывать куски на части и пожирать их. Пока давали мясо одним зверям, другие рычали, ожидая с нетерпением своей порции. Накормили львов, тигров, леопардов и мы, наконец, подошли к клетке с бегемотом. Толстое неуклюжее животное тяжело ходило по клетке из стороны в сторону и издавало какие-то странные звуки, похожие на сопение. Увидав тачку с мясом, он пришел в сильное возбуждение и стал стараться просунуть свою тупую морду за решотку, как-бы желая схватить мясо. Лишь только мясо было брошено в клетку, бегемот стал разрывать его своими зубами и с жадностью пожирать.

После кормежки больших зверей, перешли к более мелким и птицам. Здесь тоже было много интересного и поучительного. Так что мы все остались очень довольны этой экскурсией".

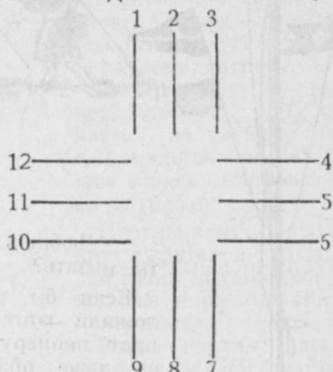

Попробуй нарисовать эту фигуру, не отрывая карандаша от бумаги

Один из Петиных слушателей, прослушав внимательно рассказ, сказал:—„И ты, Петя, врешь, нигде ты не был, иначе не говорил бы таких глупостей. Ведь ты не маленький и все понимаешь, ты такие вещи рассказываешь, какие еще не были описаны ни в одной книге".

Почему товарищ не поверил Петиному рассказу?

№ 35. ЗАДАЧА НА СПИЧКАХ

12 спичек лежат на столе, как указано на рисунке. Предлагается переложить спички так, чтобы на номерах от 1-го до 6-го лежало по две; при каждом ходе перескакивать через 2 спички.

№ 36. ЗАДАЧА

В трех кучках лежать 24 спички. Если из первой кучки положить во вторую столько, сколько находится во второй; затем из второй в третью столько, сколько находится в третьей и, наконец, из третьей в первую столько, сколько в последней оставалось, то во всех кучках будет поровну. Сколько спичек в каждой кучке?

К СВЕДЕНИЮ РЕБЯТ,

желающих летать на аэроплане и не успевших сделать противогаз к 1 августа

КОНКУРС НА ЛУЧШИЙ ПРОТИВОГАЗ

ОТСРОЧЕН

Пользуйтесь отсрочкой, ребята, и делайте противогазы

Каждый пионер должен иметь свой противогаз

ПРОТИВОГАЗЫ ПРИСЫЛАЮТСЯ В РЕДАКЦИЮ

КОНКУРС ДЛЯ ВСЕХ ПИОНЕРОВ СССР

Военные игры

Очерк КУРСАНТА

Рис Б. ПОКРОВСКОГО

— Любишь ли ты играть?

Если бы предложили этот вопрос пионеру, то он даже обиделся бы.

— Что за странный вопрос? Конечно, люблю. Мы ежедневно играем на сборах в разные игры.

— Ну, а во что вы играете?

Пионер с жаром начнет считать, закладывая пальцы.

— Эстафетка—раз, красные и белые—два, волей-бол—три...

Он назовет несколько игр и все же 3—4 пальца останутся свободными.

Да, мы все любим играть, но знаем очень мало игр. Все это старые, надоевшие игры. А между тем в лагере и на прогулках можно провести много новых игр. и особенно интересные из них — военные, революционные игры. Кое-кто из ребят уже знаком с некоторыми из них, наприм.: «Буденовцы и Махновцы», «Взятие Перекопа», «Красные и белые», но и только. А игр этих много и они очень полезны. Участвуя в них, пионер воспитывает в себе смелость, решительность, находчивость, уменье преодолевать всевозможные препятствия и действовать коллективом. Эти игры еще ценны тем, что дают ребятам ряд военных навыков—умение вести разведку, продвигаться скрытно по местности, решать боевые, тактические задачи. А плох тот пионер, кто не хочет стать в будущем хорошим красноармейцем, защитником нашего Союза. Некоторые из этих игр мы даем здесь. Почти все они проводятся на пересеченной лесистой местности, где можно было бы передвигаться скрытно. Прочитайте их, раз'ясните ребятам и айда, в лес. Мы предлагаем сыграть.

НАЙДИ ПРОТИВНИКА

Играли ли вы когда-нибудь в прятки? Наверное да. Попробуйте поиграть в ту же игру, только не на пыльном дворе, а в небольшом леску или кустарнике. Пусть одно звено спрячется в этом лесу, а другое начнет его отыскивать. Потом звенья меняются ролями.

Звено, нашедшее в течение определенного времени большее количество противников выигрывает. Чтобы скрыться от противника, маскируйтесь, т.-е. прикрывайте себя травой, пучками веток, листьями и т. п.

ПО ЗНАКАМ

Это было на прогулке. До лагеря было далеко, и вожатый предложил сыграть по пути в следующую игру. Одно звено он хотел послать вперед и предложить ему оставлять на своем пути знаки. По этим знакам мы должны были найти письмо, спрятанное звеном где-то на дороге, а потом и лагерь.

Звено получило условные знаки и скоро скрылось за поворотом дороги. В нашем распоряжении было 15 минут и мы их использовали на изучение условных знаков, которые вожатый начертил на песке.

Сюда итти.
Письмо в трех шагах по направлению стрелы.
По этой дороге не ходи.
Я пошел домой.
Дорога в лагерь.
Там хорошая вода.

Когда знаки были усвоены мы, двинулись в путь. Знаки мы находили довольно легко. Их чертили на дороге, складывали из веточек, из камней. Письмо мы вскоре нашли в 10 шагах от дороги в старом пне. До лагеря добрались незаметно.

Эти знаки впоследствии нами очень часто и с успехом применялись. Мы могли теперь свободно высылать впереди себя разведчиков, и всегда находили путь, по которому они шли. Оставший товарищ шел смело по нашим знакам, не боясь потерять нас из виду.

НА РАЗВЕДКУ

Соберитесь вечерком двумя звеньями и отправляйтесь померяться силами в искусстве разведки. Для игры лучше всего пересеченная лесистая местность. От какой-либо центральной точки разойдитесь в противоположные стороны, примерно на 1—$1^1/_2$ км. Потом начинайте сходиться.

Задача игры состоит в том, чтобы первым заметить противника. Конечно, всей кучей итти не советуем. Идите парами или поодиночке. Держите между собой связь. Хорошо применяйтесь к местности, т.-е. используйте все укрытия: ямы, канавы, заросли леса, чтобы незаметно продвигаться вперед. Не забывайте о маскировке. В качестве наблюдательных пунктов используйте высокие деревья.

Как только заметите противника—сейчас же давайте свисток, на этом игра кончается. Можно пропустить противника вперед, скрывшись от него на деревьях или же искусно притаившись в складках местности, а потом вести наблюдения за ним и, в заключение, атаковать его с тыла.

КОНТРАБАНДИСТЫ ЧЕРЕЗ ГРАНИЦУ

Нашим красным пограничникам приходится вести жестокую борьбу с контрабандистами, перевозящими тайно товары через границу, а также с врагами Советской власти—шпионами, которые стремятся пробраться в СССР. Красные пограничники ведут боевую жизнь, полную приключений, подвергаясь опасности и жертвуя нередко своей жизнью. От их ловкости, бдительности и зоркости зависит охрана и спокойствие границ нашего Союза.

Мы также можем на время перенестись в ту обстановку, в которой работают красные пограничники. Устроим игру в «контрабандисты через границу». Но это большая игра, и поэтому давайте соберем как можно больше ребят: соседние пионерские отряды, всех местных деревенских ребят пионерского возраста, хорошо если будут и комсомольцы. Чем больше будет участвующих—тем интереснее.

Играть будем в лесистой местности. Границей будет служить дорога. Длина границы 400 шагов. Все участвующие делятся на две партии—красных пограничников и контрабандистов. Пограничники располагаются по одну сторону границы. В 300—400 шагах вглубь от границы, на их территории, находится тайная квартира контрабандистов—полянка, отмеченная флажками.

Контрабандисты располагаются на своей территории по другую сторону границы. Задача контрабандистов — перебраться через границу и постараться незапятнанным, а по возможности не замеченным пробраться в город.

Правила:

1. Контрабандист считается в безопасности на своей территории и в городе.

2. Контрабандист должен обязательно перейти границу.

В дальнейшем он может уклоняться в любую сторону и даже атаковать город с тыла.

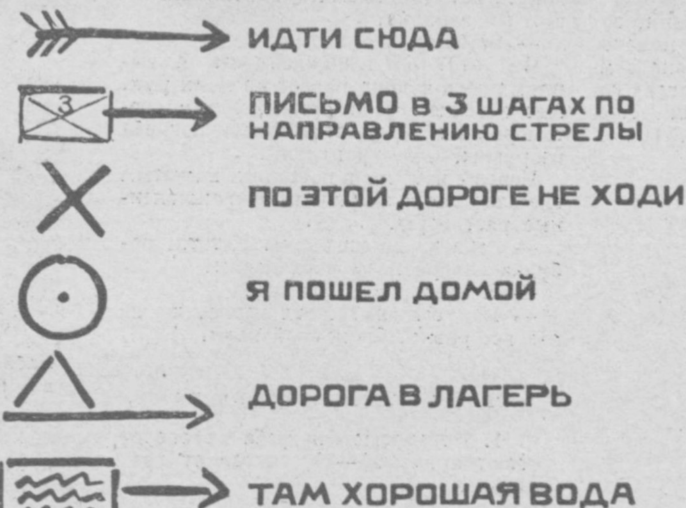
3. Контрабандист считается убитым, если он осилен пограничником. В этом случае у него отбирается галстук и он выходит из игры.

4. Первая цепь пограничников, расположенная вдоль границы, не имеет право салить контрабандистов. Она сообщает только свистками или другими сигналами во вторую цепь о переходе контрабандистов через границу.

5. Пограничники не должны стоять ближе, чем на 50 шагов от города. Преследовать же контрабандистов они могут вплоть до города.

6. Контрабандисты выигрывают, если не менее трети их проберется в город в течение определенного времени.

Эта игра пройдет с успехом, если она будет правильно организована.

Не наступайте в одиночку, разрозненно, а действуйте звеньями, выделяя разведчиков и дозоры. Один в поле не воин. Коллектив всегда победит

НЕПРИЯТЕЛЬСКИЙ ТЕЛЕГРАФ

Моток тонких веревок у вас всегда найдется, а это все, что нужно для этой игры. Моток веревок и желание играть. Ну, последнего у вас хоть отбавляй.

Протяните веревку поперек леса, на расстоянии 400—500 шагов. Замаскируйте ее по возможности тщательно дерном, листьями, травой. Пусть одно звено будет охранять этот телеграф, а два других поведут на него наступление. Нападающие не должны знать где находится веревка, им дается только направление, в котором расположена линия телеграфа. Их задача— отыскать телеграф, перерезать его и в доказательство взять с собой кусок веревки. При чем если атакующий окажется в 10 шагах от защищающего, то он считается убитым.

Флаг медленно спускается с мачты. Горн поет свою вечернюю песню. Лагерный день приходит к концу. Мы стоим вокруг мачты и смотрим на флаг, на глубокое синее небо, на яркие звезды.

Обычно, после спуска флага, мы сейчас же расходимся по кроватям, но сегодня мы ляжем на 2 часа позже. Сегодня ночная игра. И недаром все так оживлены. То и дело слышишь:

— Ребята, у кого есть фонарики— берите с собой.

— Ольга, не забудь взять ракеты...

— Петька, да ты чудак, оделся в белое, разве ж можно?

К 9 часам все построены, и мы двигаемся к ранее намеченному месту игры. Уже стемнело и приходится итти гуськом, поминутно натыкаясь друг на друга. Скоро мы останавливаемся на границе.

— Все ли запомнили правила?

Дружное «все» несется в ответ. Еще сегодня днем игра была проработана по звеньям.

— Хорошо. Вожатые звеньев, получите спички.

Каждый боец получает по коробке с двумя спичками. Спички—это шашки, которыми будут взрываться пороховые погреба.

— Итак, все в порядке. Помните, игра начинается по сигналу горна и кончается после того, как будет взорван один из погребов.

Противники прощаются друг с другом и под командой своих командиров расходятся в разные стороны от границы.

Наша партия идет на полянку в 200 шагах от границы, где расположен наш пороховой погреб: хворост, приготовленный для костра, и ракета. Еще раз обсуждаем план наступления.

— Костя, ты со своим звеном идешь по правой стороне. Маня—по левой. Ким—в обход. Связь держите шопотом. Условный сигнал свист иволги, помните его?..

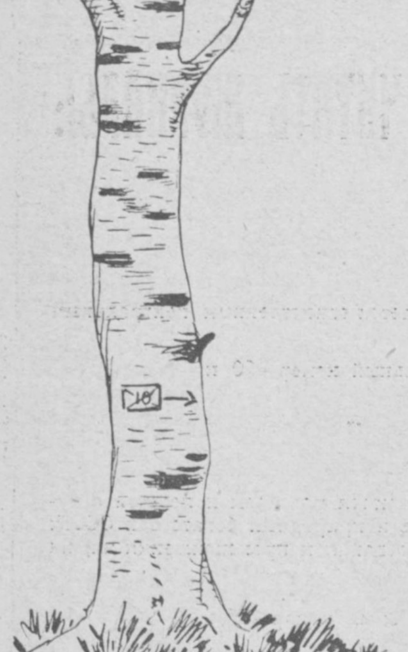
Оставляем половину своих на охрану погреба и после сигнала горна двигаемся в поход. Сначала идем ощупью, потом начинаем ползти. Темно, как в глубоком колодце. Товарища еле-еле различаешь, вернее чувствуешь его. Изредка свистит иволга и доносится шепот:

— Маша, ты здесь?

— Тише ты, рядом кто-то ползет.

Темно и страшно. Деревья кажутся какими-то чудовищами великанами. Каждый кустик готов принять за противника.

Чу, шорох... Притаиваюсь, приникаю к земле. Сбоку кто-то пыхтит. Вероятно это неприятельский лазутчик пробирается на нашу территорию. Сердце колотится, готово выпрыгнуть из груди. Кажется, что стук его разносится по всему лесу.

Знак говорит нам, что в десяти шагах письмо...

... а в десяти шагах— пень, и в пне, действительно, письмо

Цена 20 к.

Неожиданно, в темноте, натыкаюсь на кого-то и хватаю его.

— Стой, сдавайся.

—Петька,—слышу сдавленный шепот «противника»,—да это я—свой, Коля...

— Фу ты, вот напугал-то.

После получасового наступления, во время которого случается немало приключений и мы не раз попадаем в критическое положение, когда со всех сторон наседает противник, мне удается пробраться к погребу. Нако-

Неприятельский лазутчик пробирается на нашу территорию

нец-то. Вот и куча хвороста, вот и ракета, выделяющаяся светлым пятном на темном фоне земли. Неприятельские форпосты остаются позади. Дрожащими руками, боясь испортить все дело, зажигаю первую спичку. Порыв ветра моментально тушит ее жалкое пламя. Нет, теперь я буду осторожней. Я собираюсь в комочек, защищаю вспыхнувшее пламя спички всем своим телом и подношу его к сухой, как порох, коре. Ура. Синий язычек пламени скользит по запалке.

— Ба-ба-ах...

Что это? От неожиданности я выпрямляюсь и кора падает из моих рук. Лес освещен сзади ярким, белым светом ракеты. Проклятие. Наши погреба взорваны, мы проиграли.

Через 2 часа мы в постелях. Вожатым еле-еле удается затушить наши оживленные разговоры.

— Ребята, да спите же. Кстати, побудка завтра на 2 часа позже.

— Не завтра, а сегодня.

— Как сегодня? Хотя верно, ну да это все равно. Спокойной ночи.

Некоторые правила

1. Пороховые погреба располагаются на 200—300 шагов от границы.

2. Охраняющие не должны располагаться ближе, чем на 50 шагов от порохового погреба.

3. Пробравшийся к погребу считается в безопасности.

4. Сначала нужно зажечь костер и от него уже ракету—на этом игра оканчивается. Пробравшийся

Наблюдательный пункт. Отсюда видны все передвижения хитрого врага

к погребу и не сумевший взорвать его выходит из игры.

5. Два бойца, встретившие одного противника, убивают его.

6. Игру можно играть и так: Вместо двух погребов устраивается один. Одна партия защищает, другая наступает.

